

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. ХАЛИКОВА
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ X—XVIII вв.

Том 2

*Под редакцией
С. Г. Бочарова, В. Франсуа, А. Г. Ситдикова*

Казань — Кишинев

2017

A. KH. KHALIKOV INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

GLAZED POTTERY OF THE MEDITERRANEAN AND THE BLACK SEA REGION, 10TH–18TH CENTURIES

Volume 2

Edited by
Sergei Bocharov, Véronique François, Ayrat Sitdikov

Kazan — Kishinev

2017

Печатается по решению ученого совета

Института археологии имени А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Под редакцией

С. Г. Бочарова, В. Франсуа, А. Г. Ситдикова

Научные рецензенты

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Н. Н. Крадин,
заведующий центром политической антропологии
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской Академии наук (Владивосток)

доктор хабилитат истории, доцент Н. Д. Руссев,
университет «Высшая антропологическая школа» (Кишинёв)

доктор исторических наук Ю. Б. Цетлин,
ведущий научный сотрудник Института археологии
Российской Академии наук (Москва)

ISBN 978-9975-4269-1-6.

-
- © Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
© Ответственные редакторы: С. Г. Бочаров, В. Франсуа, А. Г. Ситдинов
© Издательство «Stratum plus» Р.Р., Университет «Высшая антропологическая школа»
© Обложка: Д. А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина
Технический координатор: Ж. Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Г. В. Засыпкина
Редактор карт: Л. А. Мосионжник
Корректор: Г. В. Засыпкина

Редакционная коллегия

канд. ист. наук **Бочаров Сергей Геннадиевич**, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ.
Казань, Россия (сопредседатель редакционной коллегии)
д-р археологии **Франсуа Вероник**, Археологическая лаборатория по изучению Средиземноморья в средние века и Новое время НЦНИ. Экс-ан-Прованс, Франция (сопредседатель редакционной коллегии)
чл.-кор. АН РТ, д-р ист. наук **Ситдилов Айрат Габитович**, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия (сопредседатель редакционной коллегии)
д-р археологии **Армстронг Памела**, Оксфордский университет. Оксфорд, Великобритания
д-р, проф. **Борисов Борис**, Велико-Тырновский университет свв. Кирилла и Мефодия.
Велико-Тырново, Болгария
канд. ист. наук **Волков Игорь Викторович**, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Москва, Россия
д-р археологии **Джеличи Сауро**, Университет Ка Фоскари. Венеция, Италия
канд. ист. наук **Коваль Владимир Юрьевич**, Институт археологии РАН. Москва, Россия
канд. ист. наук **Масловский Андрей Николаевич**, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов, Россия

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. = Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова, Акад. наук Респ. Татарстан, Ун-т высш. антрополог. шк. ; под ред.: С. Г. Бочарова [и др.] ; обл.: Д. А. Топал. – Казань : Б. и. ; Кишинев : Stratum Plus : Университет «Высшая антропологическая школа», 2017 – . – (Серия «Археологические источники Восточной Европы» = «Archeological records of Eastern Europe», ISBN 978-9975-4272-6-5). – ISBN 978-9975-4269-0-9.

Том 2. – 2017. – 845 p. – Tit. paral.: lb. engl., rusă. – Texte : lb. engl., fr., ital. și alte lb. străine. – Rez.: lb. engl., rusă. – Bibliogr. la sfârșitul art. – Referințe bibliogr. în subsol. – ISBN 978-9975-4269-1-6. 1 disc optic (CD-ROM) : sd., col.; în container, 15 × 15 cm.

Cerințe de sistem: Windows 98/2000/XP, 64 Mb hard, Adobe Reader.

902/904(4)=00

П 50

Второй том специализированного продолжающегося сборника научных статей «Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.» посвящён вопросам, связанным с изучением массового археологического материала — поливной керамики обширного региона, включающего страны Средиземноморья, Причерноморья, Восточной Европы, Средней Азии, Дальнего Востока и зону евразийских степей периода зрелого и позднего средневековья. Главная задача продолжающегося издания «Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.» — привлечение внимания медиевистов к вопросам изучения глазурованной посуды, и в частности, введение в научный оборот как можно большего числа не известных ранее археологических комплексов, содержащих поливную керамику, а также результатов, полученных при применении различных методик физико-химического изучения керамических глин и глазурей. В сборнике приняли участие учёные из Азербайджана, Белоруссии, Болгарии, Греции, Испании, Италии, Ливана, России, Румынии, Сербии, США, Турции, Узбекистана, Украины и Франции.

Издание рассчитано на специалистов в области истории, археологии, керамологии, этнографии, музееведения, студентов исторических специальностей и всех тех, кто интересуется средневековой материальной культурой.

Printed by decision of the Academic Council

A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan

Edited by

Sergei Bocharov, Véronique François, Ayrat Sitdikov

Scientific reviewers

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Nikolay N. Kradin**
*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok)*

Doctor Habilitat of History, Docent **Nicolaj D. Russev**
High Anthropological School University (Kishinev)

Doctor of Historical Sciences **Iuryi B. Tsetlin**
*Leading Research Fellow of the Institute of Archaeology
of the Russian Academy of Sciences (Moscow)*

Editorial Board

- Candidate of Historical Sciences **Sergei G. Bocharov**. A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology,
Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, Russian Federation
- Doctor of Archaeology **Veronique François**. Medieval and Modern Mediterranean Archaeology
Laboratory, CNRS. Aix-en-Provence, France
- Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **Ayrat G.
Sitdikov**. A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Kazan,
Russian Federation
- Doctor of Archaeology **Pamela Armstrong**. Oxford University. United Kingdom
- Doctor, Professor **Boris Borisov**. St. Cyril and Methodius University of Veliko Tarnovo.
Bulgaria
- Candidate of Historical Sciences **Igor V. Volkov**. Russian Research Institute for Cultural and
Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Moscow, Russian Federation
- Doctor of Archaeology **Sauro Gelichi**. Ca' Foscari University of Venice. Italy
- Candidate of Historical Sciences **Vladimir Yu. Koval**. Institute of Archaeology of the Russian
Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation
- Candidate of Historical Sciences **Andrey N. Maslovsky**. Azov History, Archaeology and
Palaeontology Museum-Reserve. Azov, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	15
Introduction	17

ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

C. La Serra (<i>Vibo Valentia, Italia</i>). Invetriate policrome in circolazione al San Francesco di Cosenza nel Basso Medioevo. Primi dati da nuove scoperte (Calabria, Italia)	21
J. Coll Conesa (<i>Valencia, Spain</i>). Changing Tastes: from Lustreware to Polychrome Tiles. Exported Pottery from Valencia in Mediterranean Area and around (14th to 18th cc.)	31
V. Verrocchio (<i>Pescara, Italia</i>). La maiolica di Castelli (TE) nell'Adriatico Orientale fra XVI e XVIII secolo. Attuali conoscenze e prospettive di ricerca .	51

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

E. F. Athanassopoulos (<i>Lincoln, NE, USA</i>). Medieval Glazed Pottery: Archaeological Evidence from Rural Greece	71
A. Ç. Türker (<i>Çanakkale, Turkey</i>). A Byzantine Settlement on the Kalabaklı Valley in the Hellespont: Yağcılar	91
L. Doğer (<i>İzmir, Turkey</i>), M. E. Armağan (<i>Uşak, Turkey</i>). Byzantine Glazed Pottery Finds from Aigai (Aiolis) Excavations	107
A. G. Yangaki (<i>Athens, Greece</i>). Immured Vessels in the Church of Panagia Eleousa, Kitharida, Crete	135
M. Öztaşkın (<i>Pamukkale, Turkey</i>). Byzantine and Turkish Glazed Pottery Finds from Aphrodisias	165
I. Shaddoud (<i>Aix-en-Provence, France</i>). Vaisselle de santé dans le monde arabe (VIIIe—XVe siècles) : une restitution possible des usages grâce au croisement des sources	189
V. Bikić (<i>Belgrade, Serbia</i>). Ottoman Glazed Pottery Standardisation: The Belgrade Fortress Evidence for Production Trends	207
V. François (<i>Aix-en-Provence, France</i>). Circulation des potiers ou des modèles ? Production damascène de vaisselle ottomane « à la manière » d'Iznik	217
G. Homsy-Gottwalles (<i>Beyrouth, Liban</i>). Beyrouth post-médiévale. Étude de cas : la céramique	245

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН

П. Георгиев (<i>Шумен, България</i>). Колекция от византийски белоглинени съдове от средата на X век в манастира при с. Равна (североизточна България)	259
C. Paraschiv-Talmațchi (<i>Constanța, Romania</i>). Early Medieval Glazed Ceramics Discovered in the Fortifications from Hârșova and Oltina (south-east of Romania)	271
Б. Борисов (<i>Велико-Търново, България</i>). Поливная керамика из средневекового поселения у с. Полски Градец в районе г. Раднево (Южная Болгария)	287
М. Манолова-Войкова (<i>Варна, България</i>). Импортная византийская сграффито керамика из средневековых поселений в Болгарском Причерноморье	317
K. Chakarov (<i>Pavlikeni, Bulgaria</i>), D. Rabovyanov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). Stone-Paste Ceramics from Tarnovgrad — the Capital of the Second Bulgarian Kingdom	327
И. А. Козырь (<i>Кропивницкий, Украина</i>), Т. Д. Боровик (<i>Киев, Украина</i>). Поливная керамика Торговицкого археологического комплекса периода Золотой Орды	335
М. В. Ельников, И. Р. Тихомолова (<i>Запорожье, Украина</i>). Тисненая керамика городища Большие Кучугуры	353
М. В. Ельников (<i>Запорожье, Украина</i>). Строительная кашинная керамика городища Конские Воды	363
И. Б. Тесленко (<i>Киев, Украина</i>). Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынского периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым)	387
С. Г. Бочаров (<i>Казань, Россия</i>). Поселение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII—XIV вв.)	409
М. В. Дмитриенко (<i>Азов, Россия</i>). Поливные чаши с изображениями кошачьих хищников из раскопок на территории золотоордынского Азака	447
А. Н. Масловский (<i>Азов, Россия</i>). Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии	455
Н. И. Юдин (<i>Азов, Россия</i>). Кашинные чаши из раскопок в центре золотоордынского Азака	491
Е. А. Армарчук (<i>Москва, Россия</i>), А. В. Дмитриев (<i>Краснодар, Россия</i>). Поливная посуда XIII—XIV веков из Северо-Восточного Причерноморья	499
Е. И. Нарожный (<i>Армавир, Россия</i>). О находках поливной керамики XIII—XIV вв. на территории Северного Кавказа	513

С. А. Кравченко (Азов, Россия). Парадная керамика из раскопок Азака	539
С. А. Беляева, Е. Е. Фиалко (Киев, Украина). Керамика Изника конца XV— XVI вв. из раскопок Нижнего двора Аккерманской крепости	561
И. Р. Гусач (Азов, Россия). Малоазийская поливная керамика XV— XVIII вв. из раскопок в турецкой крепости Азак	581

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

К. А. Лавыш (Минск, Беларусь). Восточная и византийская поливная керамика в средневековых городах Беларуси	603
С. И. Валиулина (Казань, Россия). Ближневосточная поливная керамика рубежа X—XI и XI вв. в памятниках Среднего Поволжья	625
Т. М. Достиев (Баку, Азербайджан). Поливная керамика средневекового города Шамкир	639
К. А. Руденко (Казань, Россия). Средневековая керамика из фондов Национального музея Татарстана (предварительное сообщение)	675
Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов (Казань, Россия). Поливная керамика с золотоордынских селищ округа Укека	701
Е. М. Пигарёв (Казань, Россия). Поливная керамика Красноярского городища	713
В. Л. Егоров (Москва, Россия), Е. М. Пигарёв (Казань, Россия). Производство псевдосадаона в столице Золотой Орды — Сарае	717
В. Ю. Коваль (Москва, Россия). Глазури причерноморских средневековых посудных майолик: химический состав по данным спектрального анализа	725
В. Ю. Коваль (Москва, Россия). Импортная глазурованная керамика Московского Кремля (по раскопкам 2007 г.)	739

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

G. Guionova, M. Bouquet (Aix-en-Provence, France). Ishkornaïa : de l'usage de la soude végétale dans les revêtements céramiques (Paykend, oasis de Boukhara, IX ^e —XIX ^e siècles)	767
Э. Ф. Гюль (Ташкент, Узбекистан). Поливная керамика Узбекистана: этапы развития	779
О.-Ш. Кдырниязов (Нукус, Узбекистан). Поливная керамика Миздахкана	795
М.-Ш. Кдырниязов (Нукус, Узбекистан). Кашин Хорезма	813
Ф. С. Татауров (Омск, Россия). Китайский фарфор с русских памятников Среднего Прииртышья XVII — первой половины XVIII вв.	835
Список сокращений	843

CONTENTS

Introduction	17
-------------------------------	-----------

WESTERN MEDITERRANEAN REGION

C. La Serra (<i>Vibo Valentia, Italy</i>). Polychrome Glazed Ware from St. Francis in Cosenza during Late Middle Ages. First data from new discoveries (Calabria, Italy)	21
J. Coll Conesa (<i>Valencia, Spain</i>). Changing Tastes: from Lustreware to Polychrome Tiles. Exported Pottery from Valencia in Mediterranean Area and around (14th to 18th cc.)	31
V. Verrocchio (<i>Pescara, Italy</i>). Castelli (Italy) Maiolica in the Eastern Adriatic between 16th and 17th Centuries. Current Knowledge and Research Perspectives	51

EASTERN MEDITERRANEAN REGION

E. F. Athanassopoulos (<i>Lincoln, NE, USA</i>). Medieval Glazed Pottery: Archaeological Evidence from Rural Greece	71
A. Ç. Türker (<i>Çanakkale, Turkey</i>). A Byzantine Settlement on the Kalabaklı Valley in the Hellespont: Yağcılar	91
L. Doğer (<i>İzmir, Turkey</i>), M. E. Armağan (<i>Uşak, Turkey</i>). Byzantine Glazed Pottery Finds from Aigai (Aiolis) Excavations	107
A. G. Yangaki (<i>Athens, Greece</i>). Immured Vessels in the Church of Panagia Eleousa, Kitharida, Crete	135
M. Öztaşkın (<i>Pamukkale, Turkey</i>). Byzantine and Turkish Glazed Pottery Finds from Aphrodisias	165
I. Shaddoud (<i>Aix-en-Provence, France</i>). Pots for Medical Uses in the Arab World (8th—15th centuries): a possible reconstruction of the uses thanks to the cross disciplinary comparison of sources	189
V. Bikić (<i>Belgrade, Serbia</i>). Ottoman Glazed Pottery Standardisation: The Belgrade Fortress Evidence for Production Trends	207
V. François (<i>Aix-en-Provence, France</i>). Circulation of Potters or Models? Damascus Pottery Production in the Style of Iznik Ware	217
G. Homsy-Gottwalles (<i>Beirut, Lebanon</i>). Post-Medieval Beirut. Case Study: the Pottery	245

BLACK SEA REGION

P. Georgiev (<i>Shumen, Bulgaria</i>). A Collection of White Clay Pottery from the Middle of the 10th Century in the Monastery at the Village of Ravna (North-Eastern Bulgaria)	259
C. Paraschiv-Talmaçhi (<i>Constanța, Romania</i>). Early Medieval Glazed Ceramics Discovered in the Fortifications from Hârșova and Oltina (south-east of Romania)	271
B. Borisov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). Glazed Wares from the Medieval Settlement near Polski Gradets, Radnevo Region (Southern Bulgaria)	287
M. Manolova-Vojkova (<i>Varna, Bulgaria</i>). Import of Byzantine Sgraffito Pottery in the Medieval Towns of Bulgarian Black Sea Coast	317
K. Chakarov (<i>Pavlikeni, Bulgaria</i>), D. Rabovyanov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). Stone-Paste Ceramics from Tarnovgrad — the Capital of the Second Bulgarian Kingdom	327
I.A. Kozyr (<i>Kropivnyts'kyj, Ukraine</i>), T.D. Borovyk (<i>Kiev, Ukraine</i>). Torhovytsia Archaeological Complex Glazed Ceramics of the Golden Horde Period . . .	335
M. V. Elnikov, I. R. Tihomolova (<i>Zaporozhye, Ukraine</i>). Relief Decoration Ceramics from the Bolshie Kuchugury Hillfort	353
M. V. Elnikov (<i>Zaporozhye, Ukraine</i>). Architectural Qashan Ceramics from Konskie Vody Hillfort	363
I. B. Teslenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Pottery Assemblage from the Excavation of a Household of the Golden Horde period on the Territory of the Medieval Settlement in Alushta (Crimea)	387
S. G. Bocharov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Possidima Settlement in South-Eastern Crimea and Its Pottery Complex (edge 13th — 14th centuries)	409
M. V. Dmitrienko (<i>Azov, Russian Federation</i>). Glazed Bowls with Images of Feline Predators from the Digs on the Golden Horde City of Azak	447
A. N. Maslovskiy (<i>Azov, Russian Federation</i>). East Crimean Imported Glazed Ceramics in Azak, a Golden Horde City. Questions of Chronology	455
N. I. Iudin (<i>Azov, Russian Federation</i>). Qashan Bowls from Excavations in the Centre of the Golden Horde City of Azak	491
E. A. Armarchuk (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. V. Dmitriev (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Glazed Ware of the 13th — 14th Centuries from the North-Eastern Black Sea Region	499
E. I. Narozhny (<i>Armavir, Russian Federation</i>). About the Finds of Glazed Pottery of 13th — 14th Centuries on the Territory of the Northern Caucasus	513
S. A. Kravchenko (<i>Azov, Russian Federation</i>). Ceremonial Ceramics from the Digs in Azak	539
S. A. Belyaeva, E. E. Fialko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Iznik Pottery of the End of 15th — 16th Centuries from the Excavation of the Lower Yard of the Akkerman Fortress	561

I.R. Gusach (<i>Azov, Russian Federation</i>). Asia Minor Glazed Ceramics of the 15th—18th Century found on the Excavated Turkish Fortress of Azak	581
--	------------

EASTERN EUROPE

K.A. Lavysh (<i>Minsk, Belarus</i>). Oriental and Byzantine Glazed Pottery in Medieval Towns on the Territory of Belarus	603
S.I. Valiulina (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Middle Eastern Glazed Ceramics of the Turn of the 10th—11th Centuries and the 11th Century from Middle Volga Region Sites	625
T.M. Dostiyeu (<i>Baku, Azerbaijan</i>). Glazed Ceramics of Medieval Shamkir City .	639
K.A. Rudenko (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Medieval Ceramics from the National Museum of Tatarstan (preliminary communication)	675
L.F. Nedashkovsky, M.B. Shigapov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Glazed Pottery from the Golden Horde Settlements of the Ukek Region	701
E.M. Pigarev (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Glazed Pottery of the Krasny Yar Hillfort	713
V.L. Egorov (<i>Moscow, Russian Federation</i>), E.M. Pigarev (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Production of Pseudo-Celadon in Saray, a Golden Horde Capital	717
V.Yu. Koval (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Glazes of Black Sea Region Medieval Tableware Majolica: chemical composition according to spectral analysis	725
V.Yu. Koval (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Imported Glazed Ceramics of the Moscow Kremlin (from 2007 year excavations)	739

CENTRAL ASIA AND FAR EAST

G. Guionova, M. Bouquet (<i>Aix-en-Provence, France</i>). Ishkornaya: the use of vegetal soda plant in ceramic coverings (Paykend, Bukhara oasis, 9th—19th centuries)	767
E.F. Gyul (<i>Tashkent, Uzbekistan</i>). Glazed Ceramics of Uzbekistan: Stages of Development	779
O.-Sh. Kdirniazob (<i>Nukus, Uzbekistan</i>). Glazed Ceramics of Mizdakhkan . .	795
M.-Sh. Kdirniazob (<i>Nukus, Uzbekistan</i>). Qashan Ceramics of Khwarezm . . .	813
F.S. Tataurov (<i>Omsk, Russian Federation</i>). Chinese Porcelain from Russian Sites of the Middle Irtysh in 17th — First Half of the 18th Centuries.	835
Abbreviations	843

В. Ю. Коваль

Vladimir Koval. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Коваль Владимир Юрьевич. Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: kovaloka@mail.ru

Address: Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

Импортная глазурованная керамика Московского Кремля (по раскопкам 2007 г.)

Keywords: Moscow Kremlin, Middle Ages, imported glazed pottery, classification, origin

Ключевые слова: Московский Кремль, Средневековье, импортная глазурованная керамика, классификация, происхождение

V. Yu. Koval

Imported Glazed Ceramics of the Moscow Kremlin (from 2007 year excavations)

The archaeological excavations in the Moscow Kremlin carried out in 2007 uncovered a collection of imported glazed ceramics (146 samples). This is the most numerous collection of all previous finds of such ceramics in the Kremlin over more than 100 years.

Sherds of vessels produced in the middle — second half of the 14th century in the Golden Horde towns in the Lower Volga region make almost half of this collection. Most of them are made of soft white Qashan (quartz-frits) decorated with polychrome (black-and-blue, black/green-and-blue-and-turquoise) painting, often with addition of white slip. A very small group (about 5%) are sherds of red-clay ceramics with green transparent lead glaze without any decoration; these were manufactured in towns of the South-Eastern Crimea. Chinese celadons and blue-and-white faience make an unusually big group (1/5 of all finds), yet these vessels were represented only by small fragments found in 16th — 17th centuries layers. The Turkish faience (from Iznik) of the first half of the 16th century, which is a very rare find in Russia, make 13% of all finds. Including, sherds of vessels with red background, which are the first finds of this kind in Moscow and in Russia as a whole. The most enigmatic groups include sherds of imported plates without any decoration and bowls with brown decoration. These were likely produced in Asia Minor or in the Caucasus. Another type of vessels with white slip decoration were probably imported from North-Western Europe — Holland or Germany (a tripod vessel).

В. Ю. Коваль

Импортная глазурованная керамика Московского Кремля (по раскопкам 2007 г.)

При археологических раскопках в Московском Кремле, проведенных в 2007 году, была собрана коллекция импортной глазурованной керамики (146 образцов). Эта коллекция многочисленнее, чем все находки подобной керамики в Кремле за предыдущие более 100 лет.

Почти половину этой коллекции составляют фрагменты сосудов, сделанных в середине — второй половине XIV в. в городах Золотой Орды на Нижней Волге. Подавляющее большинство из них принадлежало к изделиям из мягкого белого кашина (кварц-фритты), украшенным полихромной (черно-синей, черно/зелено-сине-бирюзовой) росписью, нередко с добавлением росписи белым ангобом. Очень небольшую группу (около 5%) составляют обломки красноглиняной керамики с зеленой прозрачной свинцовой глазурью без декора, изготовленной в городах Юго-Восточного Крыма. Необычайно высокой была доля китайских селадонов и сине-белого фарфора (1/5 часть всех находок), но эти сосуды были представлены лишь небольшими фрагментами, найденными в слоях XVI—XVII вв. Турецкие (Изник) фаянсы первой половины XVI в., которые встречаются в России крайне редко, составили 13% находок. Среди них фрагменты посуды с красным фоном впервые были найдены в Москве и в России в целом. Самая загадочная группа включает обломки импортных блюд без декора и чаши с коричневой росписью, произведенных, вероятно, в Малой Азии или на Кавказе. Другой вид сосудов, украшенных росписью белым ангобом, вероятно, прибыл в Москву из Северо-Западной Европы — Голландии или Германии (сосуд-трипод).

■ Research is supported by the Russian Foundation for Humanities, project no. 14-01-00062a "Down part of the Moscow Kremlin on materials of archaeological research" ■ Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект №14-01-00062a «Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований».

© В. Ю. Коваль, 2017.

В ходе археологических исследований 2007 г. в Тайницком саду Московского Кремля, занимающего значительную часть Подола (приречной части средневековой Москвы), была собрана обширная коллекция находок. В составе этой коллекции имеется 169 образцов импортной керамики.

При систематизации данного материала на первом этапе проводилось его разделение по формальным основаниям на классы и группы, различающиеся самыми общими характеристиками материала, из которого была изготовлена керамика, и способам нанесения декора. Основные принципы такого деления успешно использовались при обработке импортной керамики, поступавшей в средневековую Русь (Коваль 2010: 14—25). Подобный подход позволяет проводить общее сравнение импортов по технологическим признакам керамики и абстрагироваться от их конкретных атрибуций, поскольку происхождение и датировка отдельных образцов бывает весьма спорной и неоднозначной, в зависимости от того, насколько хорошо изучена та или иная разновидность импортов, установлены места производства изделий, или они только предполагаются на основании различных логических построений. Только после проведения такой систематизации, с соответствующими выводами об атрибуциях импортов, может и должна быть проведена их группировка по регионам-экспортерам, что позволит составить представление о спектре внешних связей. В современной российской науке существует и иной подход, предусматривающий уже на первом этапе систематизации материала разделение импортов на группы в зависимости от установленного или предполагаемого места производства керамики.

Все собранные при раскопках образцы импортной керамики относились к разделу «бытовой емкостной» керамики, внутри которой выделяются категории *посудной* и *тарной* керамики. К последней относились 33 образца, которые в данной работе не рассматриваются. Остается за пределами данной публикации и неполивная столовая посуда (9 образцов). Таким образом, в дальнейшем изложении будет дана характеристика 146 образцам *глазурованной посуды*, 134 из которых были найдены на раскопе 1 (руководители раскопа В. Ю. Коваль, Т. Д. Панова и Д. О. Осипов), и 12 — на раскопе 2 (руководители раскопа Н. А. Кренке, О. М. Олейников, Д. О. Осипов).

Импортная глазурованная керамика разделялась на несколько классов: восточных

фаянсов (2 экз. или 1,5%) и полуфаянсов¹ (73 экз. или 50%), западноевропейской майолики (5 экз. или 3,5%), восточной и византийской полумайолики (29 экз. или 20%), китайских фарфора и селадона (37 экз. или 25%).

Фаянсы

Класс **фаянсов** представлен только одной разновидностью изделий — с полихромной (черной, синей, белой и красной) росписью по красному фону. Сосуды этого типа изготовлены из твердого или мягкого белого кашина, они изготавливались только в одном месте — Османской Турции (предположительно, в г. Изник) в середине — второй половине XVI в. Технология изготовления такой керамики была очень сложной: на слой красной непрозрачной поливы наносилась роспись, выполнявшаяся ангобами голубого, белого и красного цвета, а также черной глазурью, после чего все изделие покрывалось бесцветной прозрачной глазурью (Soustiel 1985: 334; fig. 25). В музейных собраниях мира известно лишь несколько целиком сохранившихся сосудов данного типа (Soustiel 1985: №347, 358; Atasoy, Raby 1989: №372, 684, 711; Pasinli, Balaman 1991: 74, 76). Среди опубликованных материалов археологических раско-

¹ **Фаянсами** называются изделия из силикатных масс («stonepaste»), покрытые непрозрачной поливой, **полуфаянсами** — из таких же масс, но с кроющей прозрачной глазурью, **майоликой** — из цветных глин («earthenware»), покрытые непрозрачной поливой, **полумайоликой** — такая же керамика, покрытая прозрачными глазурами (Коваль 2010: 20). Применяемая здесь терминология не претендует на универсальность, это всего лишь инструмент для систематизации и краткого именования больших групп поливной посуды. Некоторые из применяемых здесь терминов подвергались критике со стороны коллег (Волков 2006: 413, 414, 421; Столярова и др. 2012: 248, 249), пытающихся провести жесткую кодификацию терминов, избрав из спектра их значений только одно. Не возражая в принципе против такой кодификации (установить которую все же достаточно трудно), должен принципиально согласиться и со многими замечаниями в адрес используемой здесь терминологии. Разумеется, названия «полуфаянс» и «полумайолика» звучат несколько двусмысленно, однако эти таксоны были введены в научный оборот довольно давно и вполне пригодны для емкого обозначения классов керамики. Поскольку иных терминов для рассматриваемых классов керамики пока не придумано, единственной альтернативой им стали бы многословные описательные наименования, которых как раз и хотелось бы избежать. Поэтому, отдавая дань уважения глубокой эрудиции критиков, мне представляется вполне допустимым придраться к прежней терминологической схеме.

пок в Северном Причерноморье (Крым, Азов и др.) такая керамика не фигурирует, на территории позднесредневековой Руси она также ранее не была известна. Поэтому 2 обломка чаш, найденных на Подоле Московского Кремля (рис. 3: 2, 3) являются первыми подобными находками на территории Московской Руси. На этих небольших обломках сохранилась только бирюзовая роспись черной глазурью и голубым ангобом. Обе находки происходят из контекстов XVII в., т.е. в целом соответствуют времени бытования и археологизации турецкой керамики рассматриваемого типа.

Полуфаянсы

В классе **полуфаянсов** имеется только 1 образец сосуда, принадлежавшего серии изделий с надглазурным декором — это крошечный обломок чаши с остатками люстровой росписи на внутренней поверхности, покрытой бесцветной глазурью. Внешняя поверхность сосуда была покрыта синей глазурью, и хотя следов люстра на ней не сохранилось, трудно сомневаться, что на целом сосуде такой декор присутствовал. Основа изделия — твердый белый кашин. Все перечисленные признаки характерны для изделий Ирана XVII — начала XVIII вв. В Москве подобные импорты до сих пор были известны лишь за пределами Кремля, кроме того, поздний иранский люстр найден в Коломне и Нижнем Новгороде (Коваль 1997а: рис. 2: 3; 2010: 56, 60, 61). В раскопе 2007 г. эта находка зафиксирована в поздних отложениях XVIII—XIX вв. Нельзя исключать того, что этому же сосуду принадлежал небольшой обломок, найденный в том же контексте и не несший никакого декора. Но идентичный черепок и бирюзовое глазурное покрытие позволяют считать, что это сходство неслучайно, тем более что обе находки были сделаны в одном и том же слое на соседних квадратах.

Еще один обломок донца сосуда из твердого белого кашина с двусторонней бесцветной (чуть голубоватой) глазурью, без всяких следов декора, также мог принадлежать иранскому люстровому сосуду XVII—XVIII вв. Во всяком случае, кашин столь высокого качества в Новое время изготавливался только в Иране.

Все остальные импортные полуфаянсы, о которых пойдет речь ниже, принадлежали к серии изделий из рыхлого белого кашина с подглазурным декором (а внутри нее — к одной группе — изделиям, украшенным подглазурной росписью). Они разделялись

на 2 подгруппы — с бесцветной и бирюзовой кроющими глазурями.

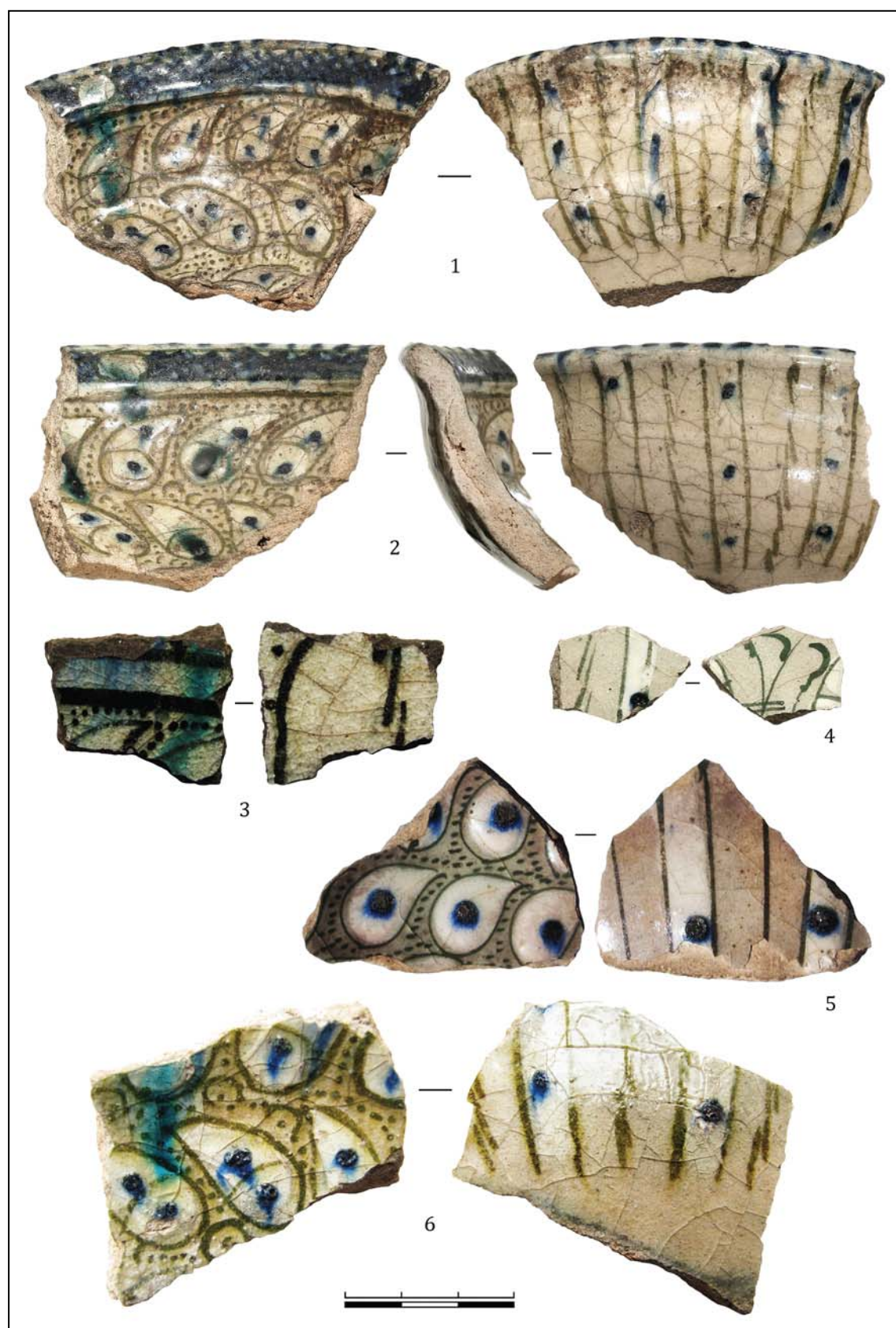
Бирюзовые полуфаянсы включали только 1 тип изделий — с монохромной черной росписью (7 экз.). Четыре обломка принадлежали различным чашам, еще 3 — вазам гюльабдан. Большинство обломков было столь малы по размерам, что реконструировать их декор не представляется возможным, лишь 2 фрагмента чаш сохранили орнаментацию в виде «крестиков-соцветий» и растительных мотивов. Судя по основам из рыхлого белого кашина, все эти сосуды были изготовлены в золотоордынских центрах Нижнего Поволжья во 2—3-й третях XIV в. Золотоордынские бирюзовые полуфаянсы были широко распространены в русских городах XIV в., но в Москве они до сих пор были представлены лишь небольшой серией из 9 мелких обломков и 1 вазы гюльабдан из составаклада под полом Благовещенского собора Кремля (Коваль 2010: 92, 93, ил. 31: 1, 6, 8; 32: 4).

Полуфаянсы, покрытые бесцветной прозрачной глазурью, разделяются в изученной коллекции на 7 типов, различающихся набором использовавшихся красок и приемов росписи.

Тип 1. Полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью красками и росписью белым ангобом

Элементы декора, выполненные густым белым ангобом, своей легкой рельефностью создавали основу орнаментальной композиции, которая дополнялась полихромной (черной/зеленой, синей и бирюзовой) красочной росписью. Все встреченные обломки (24 экз.) принадлежали только чашам, причем наиболее крупные образцы (9 шт.) — чашам, внутренняя поверхность которых была украшена рядами каплевидных фигур — стилизованных ныряющих рыбок (рис. 1: 1—3, 5, 6). Интересно, что встречены разные варианты оформления этого мотива — с выделенной головой и двумя синими точками, одна из которых выглядит как глаз рыбки (рис. 1: 1, 2, 6), а также в виде предельно схематизированной фигуры с одной точкой посередине (рис. 1: 5) — именно такие фигуры породили интерпретацию этого мотива в качестве «павлиньего глаза» (Скоробогатова 1983: 97; Лисова 2012: 84, 85, табл. 20: 13—15)². Мотив стили-

² Н. Ф. Лисова ссылается на неопубликованное мнение Т.Х. Стародуб (из текста ее кандидатской диссертации), заметившей в росписи одной (!) сирийской вазы листья, трактованные в виде капле-

Рис. 1. Обломки золотоордынских кашинных чаш с подглазурной полихромной росписью и росписью белым ангобом (фото С. Д. Захарова).

Fig. 1. Fragments of the Golden Horde's Qashan bowls with underglaze polychrome painting and white slip painting (photo by S.D. Zakharov).

зованных ныряющих рыбок был чрезвычайно популярен на золотоордынских полихромных полуфаянсах второй половины XIV в., перейдя сюда с сирийских люстровых полуфаянсов (вероятно, через бирюзовые полуфаянсы с черной росписью) и известен на множестве чаш и блюд, изготовленных в золотоордынском Поволжье (Коваль 2005: 83, 84; 2010: 90, 91, 95). Именно оттуда доставлялись на Русь сосуды такого типа.

Наряду с мотивом «ныряющих рыбок», на 2 обломках чаш встречены такие элементы, как круглые цветочные розетки (ранее называвшиеся «колесовидным орнаментом») (рис. 1: 4), изображения цветка лотоса, прочие растительные мотивы, также широко распространенные на золотоордынской посуде. К сожалению, на мелких обломках чаш установить мотив росписи не представлялось возможным, а именно такие обломки преобладали в коллекции. Внешняя сторона всех крупных обломков чаш была покрыта разными вариантами стилизованных лепестков лотоса — как с закругленными краями (рис. 1: 3), так и предельно схематизированных, в виде вертикальных полос, упиравшихся в край чаши (рис. 1: 1, 2). Подобные стилизации являются относительно поздним признаком, характерным для изделий второй половины XIV в.

Самые крупные из обломков были найдены в заполнениях построек первой половины XV в. (рис. 1: 1, 6) и XVI в. (рис. 1: 2), причем в первой из них (сооружение Т1-32) найдено 4 обломка от одной чаши, залегавших в слое пожара, уничтожившего эту постройку (заглубленный в материк погреб). В слоях второй половины XIV в., т.е. того времени, когда подобная керамика производилась в Орде и поступала на Русь, найден только один обломок такой керамики, большинство же находок происходило из комплексов XV в. (11 шт.), остальные (мелкие) обломки встречены в более поздних комплексах переотложенными. Вероятно, сосуды этого типа, попав на Русь в конце XIV или начале XV в., вы-

падали в культурный слой преимущественно в первой половине и середине XV в.

Тип 2. Полуфаянсы с полихромной (черной/зеленой, синей и бирюзовой) или бихромной (черно-синей) росписью (без росписи ангобом)

Зафиксировано всего 5 небольших обломков такой керамики, что само по себе вызывает удивление, поскольку эти разновидности кашинной керамики были на Руси одними из самых широко распространенных. В Москве до раскопок 2007 г. было известно 37 обломков такой керамики, лишь немногим меньше, чем образцов предыдущего типа (Коваль 2010: 75, 76, 82, 84). На Подоле такая керамика была представлена мелкими обломками чаш с не слишком ясно реконструируемым декором. Следует выделить 2 обломка чаш наилучшей сохранности, принадлежавших бихромной (черно-синей) разновидности, изготовленных из рыхлого кашина. Один из них принадлежал чаше, внешняя поверхность которой была украшена вертикальными панелями с эпиграфическим орнаментом (рис. 2: 1). Читаемые надписи, выполненные почерком «наск» часто встречаются на иранской керамике XIV в., однако они размещаются на ней обычно по внутренней поверхности (Коваль 2010: ил. 20: 2; 27: 2, 3), в горизонтальных или вертикальных панелях. В данном случае невысокое качество рыхлого белого кашина указывает скорее на поволжское происхождение чаши, а использование псевдонадписей в декоре внешней поверхности можно рассматривать в качестве попытки творческого переосмысления декора персидских образцов. В этом смысле показателен обломок золотоордынской чаши из Великого Новгорода, внешняя поверхность которого также была украшена вертикальной панелью с эпиграфическим орнаментом (Коваль 2010: ил. 33: 8). Возможно, такое переосмысление отчасти формировалось и под влиянием иранских люстровых чаш того же времени, на внешних поверхностях которых нередко присутствовали панели с эпиграфическим декором (Коваль 2010: ил. 6: 1).

Второй обломок принадлежал чаше из ярко-розового (почти красного) кашина (рис. 2: 2), он был найден в слое XIV в. Декор этого образца не столь выразителен, однако тут играет роль цвет кашина. Розоватый кашин часто встречается в придонных частях иранских чаш XIV в., однако в данном случае оттенок столь интенсивен, а качество рыхлого рассыпающегося кашина столь невысоко,

образных фигур. Этому единичному исключению противостоят многочисленные люстровые сосуды с рядами каплеобразных фигур, никак не связанными с какими-либо растительными побегими и составляющими самостоятельный мотив росписи. Заметим, что при систематизации орнаментов на золотоордынской керамике Н. Ф. Лисова не смогла найти ни одного примера, когда каплеобразные фигуры входили бы в состав растительных композиций и отнесла этот элемент к «абстрактным орнаментам» (Лисова 2012: 85).

Рис. 2. Обломки полуфаянсовых сосудов с полихромной подглазурной росписью из золотоордынского Поволжья XIV в. (1, 2) и Турции XVI в. (3—11) (фото С.Д. Захарова).

Fig. 2. Fragments of semi-faience vessels with polychrome underglaze painting of the Golden Horde Volga region, 14th c. (1, 2) and Turkey, 16th c. (3—11) (photo by S.D. Zakharov).

что не может возникать сомнений в том, что сосуд был изготовлен в нижневолжских центрах Золотой Орды.

Тип 3. Полуфаянсы с синей росписью «в резерве» с добавлением бирюзово-зеленой и пурпурной красок

У керамики этого типа рисунок выполнялся черными контурными линиями, а весь фон заливался синей кобальтовой краской. Бирюзово-зеленая и пурпурная (сиреневого оттенка) краски использовались для подцветки отдельных деталей изображений, остававшихся белыми. Таким образом, в декоре этого типа полуфаянсов присутствовало 5 разных цветов (включая белый и черный). Подобная керамика производилась только в Османской Турции на протяжении XVI в. (ранее эту разновидность называли «стилем Дамаск»), и в Москве до сих пор были известны лишь 3 обломка подобных блюд (Коваль 2010: 77—79, ил. 25: 5).

В 2007 г. на Подоле Кремля были обнаружены 6 мелких обломков от разных сосудов этого типа — блюд и кувшинов. Все они происходили из контекстов XVI—XVII вв. или более позднего времени. При этом ни на одном из обломков не сохранилось полной цветовой гаммы, но была четко видна заливка фона росписи густо-ультрамариновой кобальтовой краской (рис. 2: 3—5), важно также то, что все образцы были изготовлены из твердого белого кашина, характерного для турецких полуфаянсов. Наиболее интересны пряслице из стенки блюда и круглая фишка (или заготовка для совсем маленького пряслица) (рис. 2: 3, 4). Пряслица из красочной турецкой керамики разных типов уже бывали найдены в Москве и других городах Руси (Коваль 2010: ил. 25: 6).

Подобная керамика получила распространение в Турции в первой половине XVI в., вероятно, в то же самое время она доставлялась и в Москву, но в культурный слой обломки сосудов выпадали, конечно, позднее. Это тем более верно для изделий вторичного использования (пряслиц).

Тип 4. Полуфаянсы с синей, бирюзовой (или голубой), зеленой и красной (или пурпурной) росписью в черных контурах

У керамики этого типа мотивы «в резерве» не встречаются. Кашинная основа могла быть твердой или мягкой. Подобные полуфаянсы начали производиться в Турции

(в г. Изник) с середины XVI в. Вторая половина XVI и XVII вв. были временем их наиболее широкого распространения. При этом красный ангоб в декоре этих изделий стал применяться только в последней четверти XVI в. (Aslanapa 1971: 217), именно эта разновидность ранее называлась у антикваров керамикой «стиля Родос». В Москве к началу 2007 г. было известно 13 находок керамики этого типа, кроме того, она была встречена в Коломне, Дмитрове, Рязани, Ярославле в виде единичных находок (Коваль 2010: 80, ил. 25: 1—4, 6).

При раскопках на Подоле были найдены 3 обломка такой керамики. Два из них, принадлежавшие к ранней группе изделий, в декоре которых использовалась пурпурная (сиреневого оттенка) краска (рис. 2: 6, 7), могут быть уверенно датированы серединой — второй половиной XVI в. Обломок блюда (рис. 2: 7) происходил из слоя второй половины XVI в., т.е. из синхронного контекста. Изображения тюльпанов с пурпурными лепестками на этом обломке и сложная растительная композиция с центральной розеткой на другом обломке блюда (рис. 2: 6) находят многочисленные аналогии среди турецкой керамики (Atasoy, Raby 1989: fig. 50a, 351, 352, 368, 371; Denny 2005: 220).

Еще один обломок принадлежал краю кружки, в декоре которого применен красный ангоб. Мотив из чередующихся наклонных листочков с заостренными концами и трехлепестковых половинок соцветий характерен для оформления краев кружек (Atasoy, Raby 1989: fig. 543; Denny 2005: 122), но встречается и на бордюрах краев тарелок (Bilgi 2009: №239; Hitzel, Jacotin 2005: fig. 443). В данном случае речь может идти только о кружке либо кувшине с широкой горловиной.

Тип 5. Полуфаянсы с бирюзовой (синей и бирюзово-голубой) росписью

Изделия этого типа изготавливались из твердого или мягкого белого кашина в Османской Турции на протяжении XVI в. (преимущественно, в 1530—1550-х гг.). В декоре сосудов преобладал синий цвет: синей краской (кобальтом) выполнялась контурная роспись, тогда как бирюзовый краситель мог использоваться в разных объемах (часто — очень локально, для подцветки всего нескольких деталей). Стилистика росписи сосудов сильно различалась. В частности, к этому типу принадлежали изделия, которые в прошлом именовались «керамикой Золотого Рога», главное отличительной чертой кото-

Рис. 3. Турецкие полуфаянсы (1, 4—7) и фаянсы (2, 3), иранские полуфаянсы (8, 9): 1—7 — XVI в., 8 — XVIII в., 9 — XV в. (фото С.Д. Захарова).

Fig. 3. Semi-faïences (1, 4—7) and faïences (2, 3) from Turkey, and Iranian semi-faïences (8, 9): 1—7 — 16th c., 8 — 18th c., 9 — 15th c. (photo by S.D. Zakharov).

рых были крупные спирали из стеблей с мелкими листочками и «пушистыми» соцветиями, за что такой стиль декора еще называют

«спиральным» (Atasoy, Raby 1989: 108—114). В Москве до 2007 г. были известны только 7 обломков сосудов этого типа, причем все

они происходили из раскопок в Зарядье, среди них 5 принадлежали кувшину, декорированному в стиле «Золотого Рога» (Коваль 2010: 80, 81, ил. 26: 1; рис. 25: 1; 29: 5, 6).

При исследованиях на Подоле Кремля найдены 7 обломков от различных сосудов рассматриваемого типа, происходивших из слоев XVI в. (1 экз.), второй половины XVI (рис. 2: 11; 3: 7) и XVII в. (рис. 2: 9). Контексты еще 2 находок достоверно не установлены (рис. 2: 10; 3: 1).

Один из обломков принадлежал кувшину с декором в стиле «керамики Золотого Рога», традиционно датируемой 1530-ми гг. (рис. 3: 7). Хотя бирюзовый краситель на этом образце отсутствует, принадлежность к декоративной группе не вызывает никаких сомнений (тем более, что в ней известно множество сосудов с монохромной синей росписью). Все остальные сосуды этого типа были орнаментированы в иной стилистике (рис. 2: 9—11; 3: 1), причем обломок одного сосуда был украшен росписью, в которой бирюзовая краска доминировала, заполняя фон (рис. 2: 10), а у другого вместо бирюзовой для заполнения фона была использована голубая краска (рис. 3: 1).

Тип 6. Полуфаянсы с монохромной синей росписью

Внутри этого типа можно выделить 2 вида изделий, различающихся как по качеству кашина, так и по декору.

Вид 1. Изделия из рыхлого кашина. Место производства сосудов, изготовленных из рыхлого белого кашина, с относительно толстыми (около 0,5 см) стенками установить довольно сложно: такая керамика изготавливалась в нижневолжских центрах Золотой Орды в конце XIV — начале XV вв., однако похожая посуда производилась в XV в. в Иране и Средней Азии. До раскопок 2007 г. в Москве были известны 8 находок керамики этого вида, из них 3 — в Кремле (Коваль 2010: 88, 89). В 2007 г. в Тайницком саду были найдены 7 обломков чаш и блюд, часть из которых сильно обгорела в пожаре. Обломок блюда с плоскоотогнутым краем (рис. 3: 9) мог относиться к дальним импортам (Иран? Средняя Азия?), поскольку в золотоордынской керамике такие формы встречаются исключительно редко (и, вероятно, сами были импортами). Другие образцы не пострадали от пожара, но их декор был столь невыразительным, что по нему невозможно проводить какие-либо атрибуции. Необходимо заметить, что из 7 находок одна происходила из по-

стройки, засыпанной в первой половине XV в. (сооружение Т1-117), 2 — из слоя второй половины XV в., 3 — из контекстов XVI в., т.е. были, вероятно, переотложены.

Вид 2. Изделия из твердого кашина. Среди этой керамики необходимо выделять 2 варианта изделий, различающихся стилистикой росписи.

Вариант 1. Турецкие изделия. Речь идет о 4 обломках от 2 сосудов. Два из них принадлежали блюду или тарелке, край которой был украшен бегунком-арабеской «в резерве» на светло-синем фоне (рис. 3: 4, 6) в манере, известной по турецким полуфаянсам конца XV — первой половины XVI в. стилей «Master of the Knots» и «Baba Naccas Ware» (Atasoy, Raby 1989: №96; Bilgi 2009: 82, №19). Другие 2 обломка относились к кувшину, украшенному в той же манере, но без следов использования «резерва», с изображением цветка лотоса (рис. 3: 5), аналогии которому известны на большой серии турецких изделий (Atasoy, Raby 1989: №83, 85, 90, 95, 96, 106, 18, 109, 112; Bilgi 2009: №8). Все фрагменты встречены в переотложенном состоянии в контекстах XVII и XVIII—XIX вв.

Вариант 2. Изделия неясного происхождения (Иран?). В эту группу включены обломки сосудов из очень твердого («фарфоровидного») белого кашина и росписью расплывающимся кобальтом, с мотивами, не находящими прямых аналогов среди турецкой посуды, но имеющими некоторое сходство с иранскими изделиями XVI—XVIII вв., а также обломки с четко не атрибутируемыми изображениями. Расплывание кобальтовой росписи («текучесть») не характерна для глазурей турецкой керамики, но часто встречается на персидских изделиях.

Не исключено иранское происхождение для маленькой пиалы, на дне которой имелся медальон с орнаментом, выполненным синей краской, а вся внешняя поверхность была закрашена шоколадно-коричневой краской (рис. 3: 8). Подобные изделия копировали китайский фарфор позднего этапа эпохи Мин и начала эпохи Цин (XVI—XVIII вв.), в котором были распространены чашки с коричневой или красно-коричневой внешней поверхностью (Carswell 1995: №170, 171; He Li 1996: №456, 501, 547). Аналогичные по декору (синяя роспись внутри, коричневая окраска внешней поверхности) чашечки известны в материалах XVIII в. из Азака, где они атрибутированы производству малоазийской Кютахьи (Гусач 2005: 478, 479, рис. 1: 13, 15), специализировавшейся на производстве кофейных

чашечек. Однако кютахьинские чашки отличаются хрупким черепком, тогда как московский образец был изготовлен из очень прочного «камнеобразного» кашина.

Тип 7. Полуфаянсы с монокромной черной росписью

Единственный небольшой обломок чашки из твердого белого кашина нес такую роспись на внешней поверхности. Размеры обломка (2×1,5 см) не позволяют утверждать, что таков же был декор всего сосуда. По той же причине атрибуция образца не может быть проведена с достаточной уверенностью. Монокромная черная роспись очень редко встречается среди турецких полуфаянсов XVI в., где она фактически замещала монокромный синий декор (Bilgi 2009: №31). Однако турецкие изделия отличаются изящно выполненным рисунком, тогда как на описываемом образце декор состоял из небрежно выполненных спиралей. Поэтому более вероятным кажется иранское происхождение этой чашки и датировка в пределах XVII—XVIII вв.

Майолика

Импортная **майолика** представлена среди находок с Подола 5 образцами. Два из них принадлежат германской «каменной» керамике (нем. «Steinzeug»; англ. «Stoneware»), покрывавшихся непрозрачной соляной поливой, имевшей характерную бугристую фактуру. Один из сосудов, с желто-коричневой поливой и декором, состоявшим из изображений цветов (рис. 4: 1), можно датировать XVII—XVIII вв. В частности, очень близкие цветки изображены на кувшине первой половины XVIII в. из раскопок в городе Хёкстере (земля Северный Рейн — Вестфалия) (Aus dem Pottland 2012: №55). Второй обломок принадлежал кувшину с серо-синей гаммой поливного покрытия, явно относился к изделиям Вестервальда того же периода. Подобная керамика, называвшаяся на Руси в XVI—XVIII вв. «каменным рейнским товаром», хорошо известна по многочисленным находкам в Москве (Розенфельдт 1968: 71) и других городах, однако московские находки никогда не публиковались.

Две другие находки относятся к числу североευропейских изделий с монокромной синей росписью: это обломки ручки и стенки кувшинов из желтоватой глины без видимых примесей, облицованных белой непрозрачной поливой (рис. 4: 3, 4).

Роспись синей краской внутриглазурная (т. е. нанесенная по «сырой» поливе, до ее обжига). Подобная керамика, подражавшая китайскому фарфору, была широко распространена в Европе XVII—XVIII вв., наиболее известной ее разновидностью является знаменитый «делфтский фаянс» XVII века, изготавливавшийся в Голландии, в г. Делфт. На Руси и, в частности, в Москве, европейские изделия известны среди археологических находок, однако они также никогда не публиковались.

Четвертый образец майолики, относившийся к североευропейским (вероятно, нидерландским) изделиям XVI — первой половины XVII вв. — это обломок блюда из желтоватой глины без видимых примесей, которое снаружи было покрыто бесцветной прозрачной глазурью, а изнутри — белой непрозрачной поливой, по которой нанесена внутриглазурная роспись синей (оксид кобальта) и пурпурно-коричневой (вероятно, оксид марганца) красками (рис. 4: 2). По концентрической композиции орнамента эта тарелка близка итальянским майоликам XVI—XVII вв., а использование пурпурно-коричневого красителя напоминает «каменную керамику» Вестервальда с двухцветной сине-коричневой гаммой декора. Производство майолики в Нидерландах было организовано итальянскими мастерами в XVI в. в городах Харлинген, Мидделбург, Берген-оп-Зум, Роттердам, а позже процветало в Харлеме и Делфте. В середине XVII в. непрозрачная полива стала наноситься уже и на внешнюю поверхность блюд, и такая керамика в североευропейской литературе называется «фаянсом»³. Использование марганцевого красителя известно именно для нидерландской майолики. Такая керамика на территории Руси встречается исключительно редко, опубликованные образцы нам не известны.

Полумайолика

В составе импортной **полумайолики** (29 экз.) выделяются 2 *серии изделий* — с *дополнительным декором (росписью, гравировкой)* и *без него*. Вторая серия достаточно обширна и включает несколько групп изделий, а также 4 обломка ангобированных чаш и блюд, очень сильно перегоревших в пожарах: их тесто почернело и приобрело пемзообразное состояние, глазурь также почер-

³ Благодарю за консультацию Яна Тэйссона (J. R. A. M. Thijssen), Нидерланды.

Рис. 4. Европейская майолика XVII—XVIII вв. (1—4) и причерноморская полумайолика XIV в. с зеленой глазурью (5—8) (фото С.Д. Захарова).

Fig. 4. The European majolica of 17—18th cc. (1—4) and Black Sea region green-glaze semi-majolica of 14th c. (5—8) (photo by S.D. Zakharov).

нела, и хотя в ряде случаев она имеет бурозеленоватый цвет (рис. 4: 7), невозможно утверждать, что до пожара, повредившего сосуд, эта глазурь также была зеленой. Среди них отметим обломок тарелки из формовочной массы, насыщенной песком, идентичной материалу чаши с плоским краем (рис. 5) и чаши с монохромной росписью (рис. 7), т. е., вероятно, происходившей из того же самого

производящего центра. Три находки происходили из слоев XV в., одна — из слоя первой половины — середины XIV в.

Среди изделий без дополнительного декора особняком стоит 1 обломок кувшина, не имевшего ангобной облицовки. Тусклая зеленая глазурь была нанесена на его внутреннюю поверхность (рис. 4: 5), а на внешней поверхности заметен край потека желто-

Рис. 5. Обломки красноглиняной чаши без дополнительного декора и бесцветной глазурью (1—3); а — фактура поверхности глазури; б, с — изломы черепка (фото С. Д. Захарова).

Fig. 5. Fragments of red-clay bowl without decoration under colorless glaze (1—3); а — the texture of the surface of the glaze; б, с — the crack breaks (photo by S.D. Zakharov).

ватой глазури, которая, вероятно, покрывала горловину и верхнюю часть тулова. Кувшин был изготовлен вытягиванием из формовочной массы с крупными включениями карбонатов. Кувшины из подобных масс и с подобным способом глазурования встречаются в средневековых слоях на памятниках Северного Причерноморья, но на территории Руси они почти не известны (Коваль 2010: 106), место их производства не установлено. Находка происходит из слоя первой половины XV в.

Остальные образцы данной серии изделий (11 шт.) были покрыты зеленой глазурью по слою белого ангоба. Среди них выделяются несколько видов:

Вид 1. Изделия из сильноожеелезненных (красножгущихся) глин с примесью мелкого песка. Такая рецептура формовочных масс характерна для нижеволжских керамических центров Золотой Орды. На Подоле встречен только один обломок кувши-

на подобного вида, в переотложенном слое XVI в.

Вид 2. Изделия из сильноожеелезненных (красножгущихся) глин с включениями красного шамота и органики (иногда — карбонатных пород). Данная рецептура свойственна продукции городов Юго-Восточного Крыма XIV—XV вв. Подобная керамика широко импортировалась на Русь, она известна во многих городах, в т. ч. и в Москве (Коваль 2010: 109, 110). В исследуемой коллекции такие образцы преобладали, причем все они были встречены в слоях XIV и XV вв., т. е. контекстах, синхронных времени производства такой керамики. Пять обломков принадлежали кувшинам, причем 3 из них не имели глазурного покрытия внутренней поверхности, но на всех изделиях хорошо заметно rifление вытягивания (рис. 4: 6).

Вид 3. Изделия из ожеелезненных (красножгущихся) глин с включениями крупных карбонатов. Такой состав имели некоторые

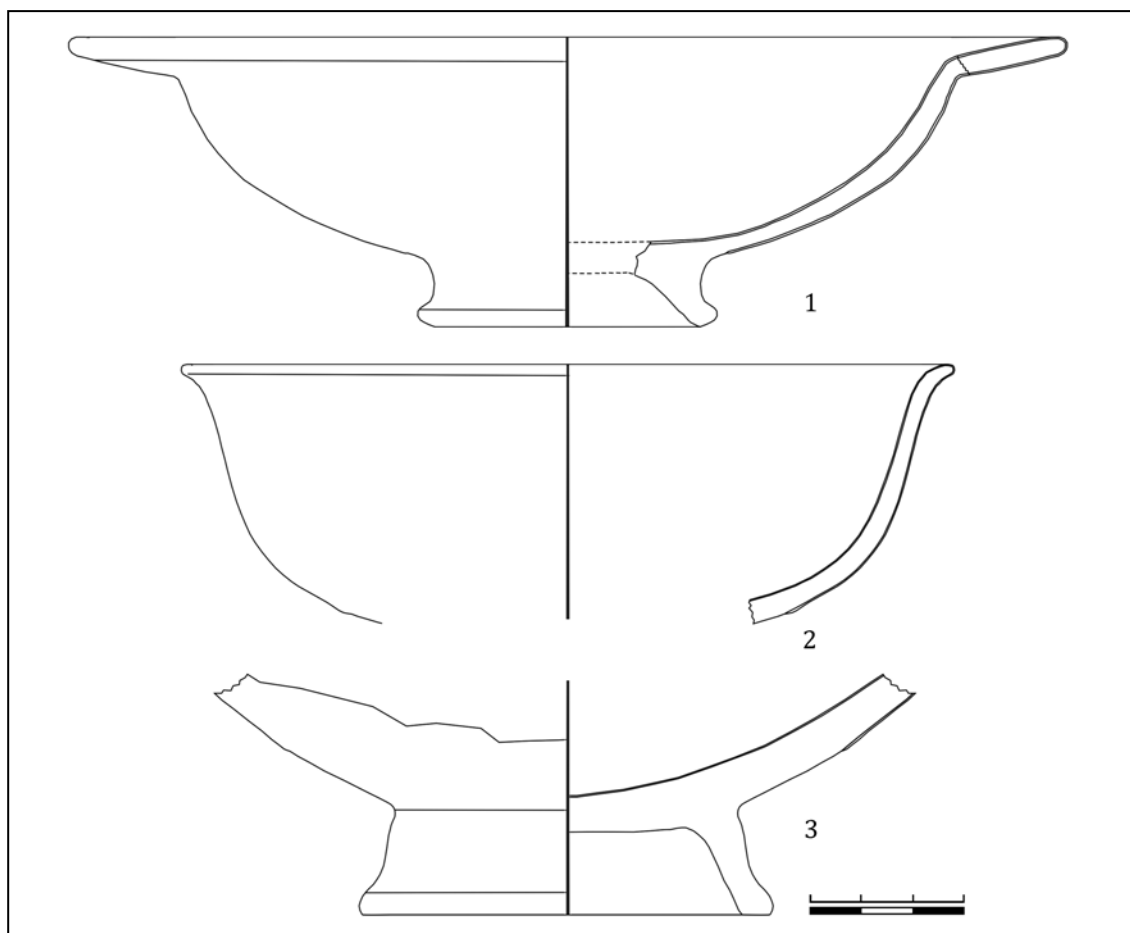

Рис. 6. Профили полумайоликовых чаш из заполнения сооружения T1-117.

Fig. 6. Profiles of semi-majolica bowls from construction T1-117.

сосуды Юго-Восточного Крыма. К этому виду принадлежал обломок блюда с желтовато-зеленой пятнистой глазурью, найденный в слое XIV в. (рис. 4: 8).

Вид 4. Изделия из слабоожеженной (розоватой) глины с включениями мелкого песка. Для этой редкой разновидности, представленной обломком края чаши, обнаруженной в слое второй половины XV в., трудно назвать аналогию. Чаша была покрыта изнутри темно-зеленой глазурью, а снаружи — светлой желтовато-зеленой.

Вид 5. Изделия из сильноожеженной (красно-коричневого цвета) глины с искусственной примесью песка среднего размера (с зернами диаметром до 1,5 мм — рис. 5: б, с), отличающиеся недостаточно продолжительным обжигом, о чем свидетельствует черная полоса на изломах стенок (рис. 5: б). Кроме песка, в составе формовочной массы замечены комочки рыхлого белого вещества (разложившиеся карбонаты?) и отдельные включения крупных обломков неизвестной породы. К этому виду принадлежали

3 находки, 2 из которых принадлежали одной чаше с плоскоотогнутым краем и были собраны при разборке заполнения сооружения T1-117 (датировано первой половиной XV в.) и слоя XV в., залегавшего над ним⁴. Чаша (рис. 5: 1, 2; 6: 1) совершенно уникальна и требует подробного описания. Кроме отмеченных особенностей формовочной массы, она отличалась полным отсутствием какого-либо дополнительного декора. Сосуд был практически полностью (изнутри и снаружи) облицован слоем белого ангоба (включая внутреннюю полость поддона), а затем также почти полностью (за исключением поддона) покрыт бесцветной (чуть зеленоватой) глазурью с сеткой мелких цековых трещин (характерным признаком свинцовых глазурей) (рис. 5: с). К сожалению, глазурованные по-

⁴ Это сооружение знаменито тем, что в его основании находились остатки более раннего погребя (рубежа XIV—XV вв.), в заполнении которого найдена московская берестяная грамота №3 с текстом, записанным чернилами (Гиппиус и др. 2011).

Рис. 7. Обломки чаши с подглазурной коричневой росписью (фото С.Д. Захарова).

Fig. 7. Parts of bowl with underglaze brown painting (photo by S.D. Zakharov).

верхности чаши были покрыты черной пленкой прилипшего вещества органического происхождения, снять которую с глазури удалось лишь частично. Диаметр чаши 22 см, в центре дна — крупная капля глазури с лопнувшими пузырьками (кавернами).

Вероятно, этой же чаше принадлежал обломок плоскоотогнутого края, найденный в переотложенном состоянии (в слое второй половины XVI в.) в 3 м к югу от сооружения Т1-117. В отличие от других частей этой чаши, он сохранил довольно чистую поверхность глазурного покрытия (рис. 5: 3).

Недекорированная керамика очень сложна для атрибуции, поскольку она не обладает яркими художественными особенностями: такие сосуды не сохранялись в древности, не включались в коллекции музеев и не обращают на себя внимание при археологических раскопках. Форма чаши довольно редкая, но ей можно указать аналогии в разных странах. Например, чаши с плоскоотогнутым краем, и притом вовсе без декора, изготавливались в Северной Италии и даже использовались там для украшения фасадов храмов в качестве так называемых «бачини», вмуровывавшихся в кладку стен лицевой стороной наружу. В частности, такие чаши украшают

стены церкви Сан Мартино в Пизе, построенной в 1280—1330 гг. (Berti 1997: Tav. VI; VII; 48—55). Однако все пизанские сосуды относятся к классу майолики и покрыты плотной непрозрачной глазурью различных оттенков. Кроме того, среди итальянской поливной керамики не известны сосуды из столь грубого теста, как в данном случае, нет среди них и недообожженных изделий. Поэтому при всем поверхностном сходстве итальянские аналогии не помогают атрибуции московской находки.

Другим регионом, где производили монохромные чаши с плоскоотогнутым краем (причем относящиеся к классу полумайолики) является Малая Азия поздневизантийской и раннеосманской эпох (XIV—XV вв.) (Böhlendorf-Arslan 2004: Taf. 8: 154, 155). Правда, недекорированные образцы среди них крайне редки (Böhlendorf-Arslan 2004: Abb. 45), а ряд опубликованных образцов несут на себе гравированный декор (Doger 2009: Res. 8: a, b), хотя можно не сомневаться, что большинство недекорированных изделий просто не попали в публикации. Наконец, плоскоотогнутые края можно наблюдать у многих чаш и блюд керамики «милетской группы» (Тесленко 2005: рис. 1; 2; 4:

2), среди которой, правда, неорнаментированные изделия не известны вовсе. Однако и византийская керамика, и «милетская» раннеосманская, отличались высоким качеством глины и обжига, что не позволяет относить рассматриваемую чашу ни к византийским изделиям, ни к группе «Милет».

Вместе с тем, одна черта сходства с «милетской» керамикой все же прослеживается: на многих чашах и блюдах этой группы изделий, формовавшихся из мелкодисперсной глины без примесей, применялся своеобразный прием оставления отверстия в центре дна, которое впоследствии заделывалось массой иного состава — насыщенной крупным песком (Тесленко 2005: 386, 387), т.е. очень близкой той рецептуре, по которой изготовлена чаша из сооружения Т1-117. Само применение в высокотехнологичном производстве «милетской» керамики масс столь грубого состава заставляет думать, что на сложение данной керамической традиции повлияли какие-то очень архаичные керамические навыки.

Аналогии формовочной массе рассматриваемой чаши представляют также 3 обломка от разных сосудов, найденных в Москве: с бирюзовой (зеленой и желто-коричневой) подглазурной росписью (Коваль 2010: 119 (тип 11), ил. 44: 2, рис. 40: 4), с монохромной красно-коричневой росписью, имитировавшей гравированный декор (Коваль 2010: 119, 120 (тип 12), рис. 40: 9) и с монохромной коричнево-черной росписью (Коваль 2010: 120 (тип 13), рис. 40: 2), аналогии которым до сих пор не известны. При этом важно, что все эти образцы также были найдены в слоях золотоордынской эпохи. Вместе с тем, среди золотоордынской керамики, известной по раскопкам городов Среднего и Нижнего Поволжья, изделия из столь грубой формовочной массы не обнаружены (по крайней мере, они не описаны в литературе). Можно с высокой степенью уверенности допускать, что рассматриваемые сосуды были изготовлены в одном производящем центре с хорошо укоренившейся традицией подготовки формовочных масс.

Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: при схожем составе формовочной массы и низкокачественном обжиге, наблюдается большое разнообразие в формах и декоре изготавливавшейся керамики. В то же время, ни один из 4 рассматриваемых московских образцов не копирует золотоордынские формы, а чаша — явно демонстрирует следование поздневизантийским образцам. И только один из четырех сосудов включал декоративную схему, применяв-

шуюся на Нижней Волге и в Иране — стилизацию лепестков лотоса (Коваль 2010: рис. 40: 9). Таким образом, подобные изделия вряд ли могли появиться в центральных районах Золотой Орды, скорее, на роль их производителя может претендовать какой-то окраинный центр в Северном Причерноморье (но не в Крыму), активно функционировавший до начала XV в. Однако еще более вероятно размещение этого центра в одном из районов Малой Азии либо в Закавказье. Мастера этого центра восприняли как византийские керамические традиции, так и ближневосточные, но при этом сохранили архаичные навыки подготовки формовочных масс и не достигли высокого уровня в обжиге керамики, хотя прекрасно освоили высокую технологию глазурования (этим они напоминают русских гончаров — производителей поливной посуды в XIV—XVI вв.). Вероятно, этот центр еще не исследован (или слабо исследован) археологически, а материал из него не опубликован. В этом смысле менее всего имеется информации о керамических центрах Грузии (в том числе и по причинам языкового барьера и современных политических проблем) и многих районов Малой Азии. Армении и Азербайджан можно исключить из списка стран, на территории которых могло находиться такое производство, поскольку керамика этих территорий достаточно хорошо известна и публиковалась, пусть и не в самом полном объеме.

Полумайолика с подглазурным декором включала 3 группы изделий.

Группа 1. Керамика с росписью красками

Относилась к единственному типу изделий с монохромной коричневой (или красно-коричневой) росписью под бесцветной (или слабо окрашенной в бледно-зеленоватый или желтоватый цвет) глазурью

В составе этого типа выделяются 2 вида изделий:

Вид 1. Изделия из сильноожегленной глины с примесью песка среднего размера, т.е. той же самой массы, из которой была изготовлена описанная выше чаша из сооружения Т1-117.

К этому виду относились 5 обломков от 3 или 4 чаш. Два из них несомненно принадлежали одной и той же чаше (и найдены они были в том же заполнении сооружения Т1-117, откуда происходила и описанная выше чаша без декора), поверхность которой также была частично загрязнена черным ве-

ществом, однако под бесцветной (чуть зеленоватой) глазурью тут имелся расписной декор, нанесенный густой темно-коричневой краской, рельефно выделявшейся под глазурью (судя по рельефности, этот краситель был приготовлен на основе ангоба, а желтоватые края линий росписи указывали на присутствие оксида железа). Сама роспись была довольно проста и состояла из ряда круглых пятен-точек по краю чаши и вертикальных полос на внутренней поверхности, состоявших из 2 параллельных линий и ряда таких же точек между ними (рис. 7). Профилировка чаши со слегка отогнутым краем (рис. 6: 2) резко отличается от поздневизантийских сосудов, но близка золотоордынским кашинным чашам и раннетурецким изделиям Изника — так называемой керамике группы «Милет» (Тесленко 2005: рис. 3; 6; 10).

Прямых аналогий декору кремлевской чаши среди изделий Западной Азии не известно, но зато он находит стилистическое сходство с оформлением еще одной загадочной по происхождению тарелки, обломки которой были найдены недавно при раскопках в Звенигороде (Коваль, Алексеев 2013: 106—117). На ней тоже имелся мотив из двух параллельных линий черно-коричневой краски, между которыми помещены в ряд жирные точки (Коваль, Алексеев 2013: рис. 1: 7). Для звенигородской тарелки предполагались разные варианты происхождения, в т. ч. среднеазиатский и малоазийский. Правда, тарелка из Звенигорода изготовлена из очень плотного красного теста и прошла высококачественный обжиг, т. е. ее формовочная масса резко отличалась от сосудов, собранных в заполнении сооружения Т1-117, однако названный орнаментальный мотив не является единственной чертой сходства между ними. Например, на тарелках из Звенигорода и Подола присутствует такая редкая технологическая деталь, как нанесение белого ангоба на внутреннюю поверхность поддона, практически не известная на всей остальной керамике Востока и Византии. Интересна также близость орнаментации краев звенигородской тарелки (точки со штрихами на наружную сторону) и рассматриваемой чаши (точки). Поэтому при всех (очень важных) различиях, имеются и такие черты сходства, которые не стоит игнорировать.

Другой чаше, очень сильно перегоревшей в пожаре (глазурь почернела, подглазурная роспись скорее угадывается), но имевшей ту же самую профилировку, что и у описанной выше, принадлежал довольно крупный обломок, который также был найден в запол-

нении сооружения Т1-117. На внутренней поверхности сосуда когда-то имелась роспись из линий темной краски, рисунок которой достоверно не восстанавливается, однако можно утверждать, что он состоял из довольно простых (геометрических?) мотивов (рис. 8: 1).

Третий крупный обломок чаши являлся дном с кольцевым поддоном, найденным в том же самом комплексе (сооружении Т1-117). Это дно не могло принадлежать развалу чаши №1, но вполне могло составлять единое целое с краем чаши №2, поскольку оно тоже перегорело в сильном пожаре (рис. 6: 3; 8: 2). Следует обратить внимание на сходство профилировки этого поддона с дном рассмотренной выше недекорированной чаши (ср. рис. 6: 1 и 6: 3). Идентичен и способ нанесения ангоба на эти сосуды — он покрывал сосуды целиком, включая и внутреннюю поверхность поддона, т. е. создавал полную имитацию того, как будто сосуды сделаны из белой глины.

Последний, четвертый, обломок принадлежал чаше той же самой профилировки (с плавно отогнутым наружу краем), который был найден над сооружением Т1-117 в слое второй половины XVI в. В отличие от предыдущих, этот небольшой обломок не был ничем загрязнен, и цвет его поверхности и декора не был искажен. Благодаря совершенно бесцветной глазури и слою ангоба, прикрывавшему коричневую глину, поверхность чаши выглядела чисто-белой. Глазурь свинцовая, с мелким цеком. Роспись имела только на внешней поверхности и состояла из вертикальных полос рыжей (красно-коричневой) краски (рис. 9: 2). В отличие от чаши №1, здесь краска была нанесена тонким слоем.

Вид 2. Изделия из нежелезненных (беложгущихся) глин без видимых примесей — один обломок чаши с двусторонней бесцветной (чуть зеленоватой) глазурью и красновато-коричневой росписью, состоявшей на внутренней поверхности из косой ромбической сетки с мелкой точкой внутри каждого ромба (рис. 8: 3). Однако гораздо важнее остатки росписи внешней стороны этой чаши, состоявшие из небольших кругов, помещавшихся внутри крупных ромбов, намеченных длинными тонкими штрихами. Такая композиция хорошо известна по многочисленным золотоордынским и хорезмским кашинным чашам, украшенным полихромной росписью (Вишневская 1958: рис. 7: 1; Скоробогатова 1983: рис. 1: 3; Федоров-Давыдов 1994: рис. 13; 15; 16; 19: 2; 21: 2; Коваль 2010: ил. 24: 1).

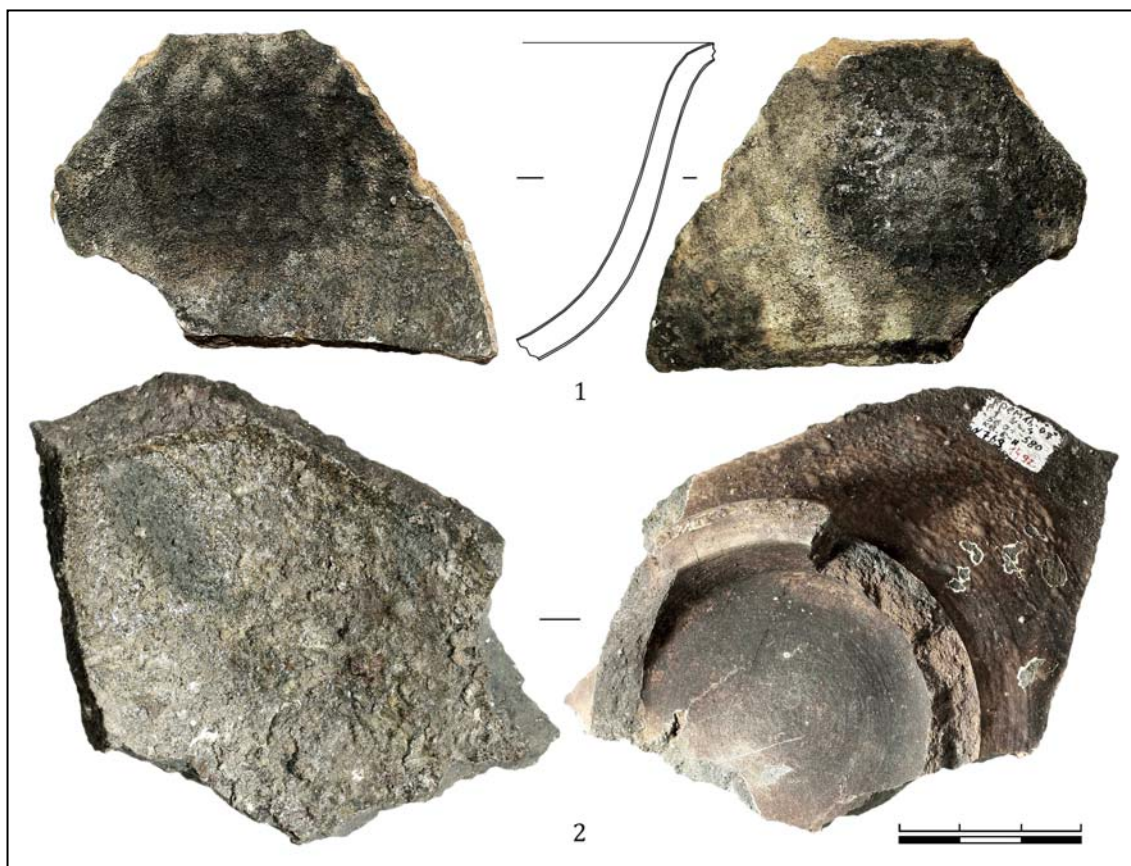

Рис. 8. Обломки чаш, перегоревших в пожаре (фото С.Д. Захарова).

Fig. 8. Fragments of bowls, burnt in the fire (photo by S. D. Zakharov).

Белоглиняная и светлоглиняная (из глины желтого цвета) керамика изготавливалась в монгольскую эпоху в Средней Азии — в Хорезме и Отраре. Вероятно, из одного из этих регионов происходила и та чаша, обломок которой здесь рассмотрен.

Группа 2. Керамика с декором «сграффито»

В этой группе имеются только 2 образца, заметно различавшихся по декору и признакам формовочной массы.

Первый являлся краем чаши, изготовленной из сильноожегленной (темно-красной) глины с включениями мелкой дресвы (остроугольных частиц породы белого матового цвета). Обе поверхности чаши были покрыты белым ангобом и украшены гравировкой по ангобу («сграффито») в сочетании с «выемчатой техникой» (с помощью которой были оформлены лепестки на внешней поверхности чаши). Глазурь светло-зеленая, с мелким цеком (рис. 9: 1). находка происходила из слоя первой половины XVI в., т. е. была переложена.

Для атрибуции этой чаши важен декор ее внешней поверхности (в виде лепестков лотоса с округлыми завершениями), имеющий многочисленные аналогии на поздневизантийских изделиях, принадлежащих к большой группе «Elaborate Incised Ware», связываемой рядом исследователей с константинопольским производством XIV в. (François 2005: fig. 4: 1, 2, 8). Лепестковидный декор чаще всего встречается на колоколовидных чашечках с усеченно-конической нижней частью, появившихся еще в XIII в. на изделиях, относимых к группе «Zeuzippus Ware 1C» (Böhlendorf-Arslan 2004: 352. Taf. 61: 98). «Elaborate Incised Ware» была широко распространена в Северном Причерноморье в XIV в. (Масловский 2006: рис. 35; 36), известна она и на территории Руси (Коваль 2010: рис. 42: 3—8).

Второй образец керамики «сграффито» — мелкий обломок чаши, найденный в слое XIV в. Сосуд был изготовлен из красной глины без видимых примесей, т. е. из формовочной массы, типичной для изделий Византии, сельджукской Малой Азии и ряда районов Причерноморья.

Рис. 9. Полумайолика с декором «сграффито» (1), росписью краской (2, 3) и белым ангобом (4, 5) XIV—XV вв. (фото С.Д. Захарова).

Fig. 9. Semi-majolica with sgraffito decoration (1), painted by pigments (2, 3) and white slip (4, 5). 14—15th cc. (photo by S.D. Zakharov).

Группа 3. Полумайолика с росписью ангобом

К этой группе принадлежали части двух сосудов. Первому принадлежали 3 обломка, найденные в слоях первой и второй половины XV в., в т. ч. в заполнении сооружения Т1-117 и рядом с ним. Сосуд реконструируется в виде низкой (4,5 см) миски усеченно-конической формы, диаметром около 26 см, к дну которой были прикреплены вертикальные ножки подтреугольного сечения высотой 4,5 см. Сохранилась только 1 ножка, но, исходя из размеров сохранившейся части дна, у целого сосуда их не могло быть больше трех. Сосуд был изготовлен из ярко-красной глины с примесью мелкого песка (с зернами размером не более 0,5 мм), прошел полный окислительный обжиг. Весь сосуд, включая ножки, был полностью покрыт темно-зеленой глазурью, которая на внутренней поверхности почти не сохранилась (отслоилась), но благодаря этому стало видно, что его внутренняя поверхность была украшена подглазурной росписью белым ангобом (рис. 9: 4). Рисунок этой росписи может быть реконструирован в виде концентрических окружностей, соединенных радиальными штрихами, внутри которых размещалась розетка с чередующимися овальными лепестками и выходившими из ее центра прямыми линиями. Стенки сосуда также были украшены простым геометрическим рисунком (рис. 9: 4b).

Формовочная масса этого сосуда имеет некоторое сходство с поволжскими изделиями золотоордынской эпохи, однако его форма (плоскодонная миска на трех ножках) не находит никаких аналогий ни в Золотой Орде, ни на Востоке, ни в Византии. Роспись белым ангобом была широко распространена в золотоордынской и причерноморской полумайолике XIV в., однако для нее не характерны примитивные геометризированные схемы. Поэтому приходится исключать восточное или причерноморское происхождение этого сосуда. Зато сосуды на трех ножках известны среди керамики XIV—XV вв., бытовавшей в Германии, Голландии и Фландрии (De Groote 2014: fig. 180, 201—206), там же практиковалось и украшение различных глазурованных сосудов примитивной геометрической или растительно-геометризированной росписью белым ангобом (Mellor 1997: fig. 29, 32; de Groote 2014: fig. 144, 145, 150, 225). Среди красноглиняной (поливной и неполивной) посуды Голландии и Фландрии XIV—XV вв. известны блюда на 3 ножках и другие формы, украшенные простыми геометризированны-

ми рисунками, нанесенными белым ангобом, среди которых можно видеть мотивы, очень близкие тем, которые помещены на рассматриваемый сосуд (Janssen, Hijhof 2010: fig. 27: 5, 6; 31; 35; 36). Гораздо более широко известны поздние разновидности треножных сосудов, распространившихся из Германии через Польшу в западнорусские области с XVI в. под названием «рынки». Однако в Германии и Голландии такие сосуды появились с XIV в. (Mellor 1997: 40). Чаще всего изготавливались горшки на 3 ножках, покрытые глазурью только изнутри (англ. «tripod pipkin»), однако известны и такие же сковородки (англ. «tripod skillet») (Janssen, Hijhof 2010: fig. 19, 20). Те и другие предназначались для приготовления или подогрева пищи на открытом огне и снабжались керамическими боковыми втулками, в которые вставлялись деревянные ручки, за которые такие сосуды и держали над огнем (Mellor 1997: fig. 45, 46).

Очень близкие по профилировке «миски» на трех ножках известны и в неполивной керамике Испании эпохи Альмохадов (XIII в.) (Vera Reina, Lopez Torres 2009: 440), но нет никаких данных о том, что подобная посуда покрывалась глазурью или украшалась росписью ангобом. Поэтому на сегодняшнем уровне знаний⁵ более вероятным представляется северноевропейское происхождение необычного сосуда с Подола Московского Кремля.

Не менее интересен и загадочен второй обломок мисковидного сосуда с росписью ангобом на внутренней поверхности, происшедший из слоя первой половины XV в. рядом с сооружением Т1-117. Его формовочная масса не отличалась от описанного выше треножного сосуда, но роспись ангобом была гораздо более сложной (рис. 9: 5). Соединение ангоба с основой — очень слабое, многие элементы ангобной росписи отслоились вместе с глазурным покрытием. Кроме того, имелась подглазурная подцветка расплывчатыми пятнами светло-зеленой глазури. Внутренняя поверхность сосуда была покрыта бесцветной (чуть желтоватой) глазурью. Цвет глазури на внешней поверхности установить невоз-

⁵ Здесь не рассматриваются сосуды на трех ножках, производившиеся в разных частях мира (в т. ч. и в районах, имевших разнообразные торговые и культурные контакты с центром Восточной Европы — Волжской и Дунайской Болгарии, Иране, Средней Азии и т. п.), но в эпохи, существенно (на 100 и более лет) удаленные от периода XIV—XV вв., поскольку нет никаких оснований для допущения каких-либо реальных связей между этими разновременными изделиями.

можно, поскольку она покрыта пленкой черного органического вещества.

Происхождение этого сосуда пока не может быть достоверно установлено, но он имеет значительное сходство (по фактуре формовочной массы, глазури с пятнистой зеленой подцветкой) с северноевропейскими изделиями. В то же время, найти аналогии ему среди таких изделий пока не удалось.

Китайская керамика (селадоны и фарфор) настолько сильно отличается от остальных импортных сосудов, что требует отдельного рассмотрения.

Селадоны

Семейство *селадонов* обладает единством по формовочной массе светло-серого цвета и глазурному покрытию нежно-зеленого цвета. В отечественной литературе прижилось терминологическое отождествление западноевропейского (с XVII в.) названия такой керамики («селадоны») и одной из самых распространенных в Китае ее разновидностей — «Лунцзоань-яо» (продукции местности Лунцзоань в провинции Чжэцзян). Поскольку фарфоровидная керамика с зеленоватой глазурью различных оттенков производилась не только в Лунцзоане, но и в других районах Китая, такое отождествление весьма условно, и недавно оно было подвергнуто аргументированной критике (Родионова, Френкель 2012: 21, 22). В то же время, в тех случаях, когда проводится специальное исследование конкретных импортов, обнаруживается, что их признаки соответствуют именно Лунцзоань-яо (Родионова, Френкель 2012: 17, 18). Получается, что основная масса (если не все) импорта такой керамики на Русь являются все же лунцзоанскими селадонами. Несколько сложнее с атрибуцией селадонов, поступавших в золотоордынские города Поволжья, но и там, судя по известным находкам, абсолютно доминировала именно продукция Лунцзоаня.

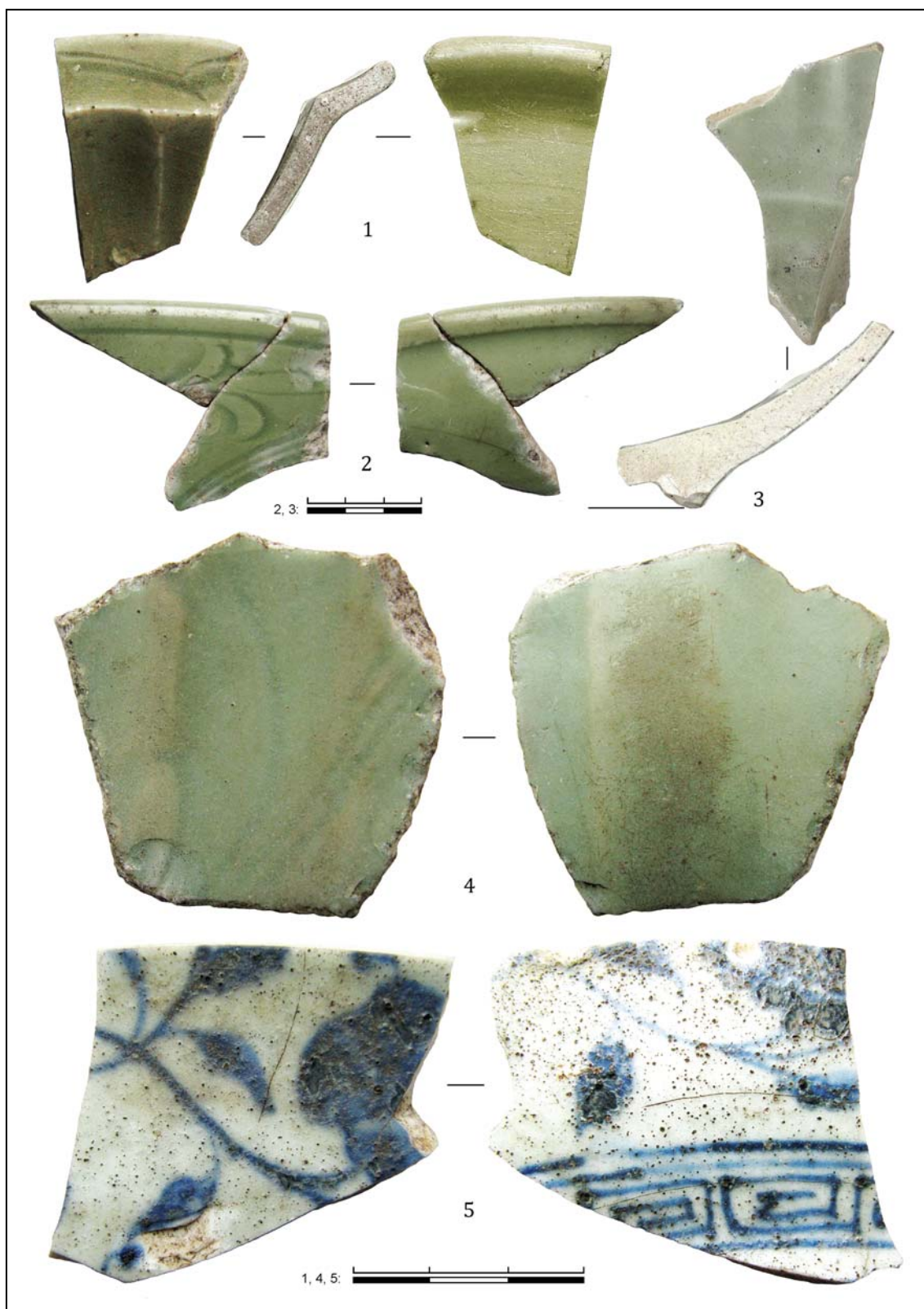
В этой связи стоит обратить внимание на новую (для российской науки) тенденцию, состоящую в попытках атрибутировать некоторые находки селадонов в качестве продукции мастерских средневековой Кореи (Гаджиев, Лим Джихён 2011: 133, 134; Губайдуллин 2013: 193). В качестве аргументов высказываются соображения о сходстве китайских и корейских селадонов, на основании которых допускается происхождение восточноевропейских находок из разных мест Дальнего Востока (Гаджиев, Лим Джихён 2011: 133), а также присутствие на одном

из блюд корейского иероглифа (Губайдуллин 2013: 193). Оба эти наблюдения не могут быть приняты в качестве серьезных аргументов в пользу корейской атрибуции названных находок. При всем сходстве селадонов из разных районов Китая и Кореи, они все же имеют определенные отличия в формах, цвете глазури и основы, декоре, которые позволяют различать продукцию разных центров. Лунцзоань, несомненно, был крупнейшим производителем селадонов в юаньскую эпоху, т.е. именно в то время, когда такая керамика проникала на Русь. В то же время государство Корё в период с 1231 по 1258 гг. (до момента подчинения империи Юань) подверглось шести опустошительным нашествиям монголов, серьезно разорившим страну, а в дальнейшем (конец XIII — XIV вв.) отношения с Кореей оставались крайне напряженными и конфликтными. В этих условиях допускать массовое производство корейских селадонов просто невозможно. Поэтому все наиболее известные шедевры корейских селадонов (в т.ч. имеющие сходство с лунцзоанскими) датируются преимущественно XII — первой половиной XIII вв., а не последующим временем (Choi-Bae 1984). Что касается иероглифа на блюде из Болгара, то он может быть как корейским, так и китайским (Губайдуллин 2013: 193), причем китайское его происхождение более вероятно, поскольку по всем своим признакам найденное блюдо (Губайдуллин 2013: рис. 5—7) идентично Лунцзоань-яо, тогда как черты сходства с корейскими изделиями не прослеживаются.

Таким образом никаких реальных оснований для допущения импорта в Восточную Европу в конце XIII — XV вв. корейских селадонов не существует, а потому всерьез рассматривать подобные атрибуции не стоит.

На территории Руси селадоны были распространены достаточно широко и известны более чем в 10 городах, однако повсюду они представлены единичными находками. В Москве до 2007 г. таких находок было известно только 21, половина из них — в Кремле (Коваль 2010: 135, 136). Раскопки 2007 г. дали 30 обломков селадоновых блюд и чаш (рис. 10: 1—4), принадлежавших нескольким сосудам, причем большинство из них было сильно измельчено. Удалось установить, что 12 обломков относились к 5 блюдам, что диагностировано в том числе и по склейкам обломков (рис. 10: 2). Однако весьма вероятно, что и среди остальных 18 обломков имеются части тех же самых сосудов. Интересно, что хотя основные признаки найденных обломков соответствовали лунцзоанским се-

Рис. 10. Китайские селадоны (1—4) и бело-синий фарфор (5) XIV—XV вв. (фото С.Д. Захарова).

Fig. 10. Chinese celadon (1—4) and blue-and-white porcelain (5) of 14th—15th cc. (photo by S.D. Zakharov).

ладонам эпохи Юань (светло-серое тесто, зеленоватый оттенок глазури, гравированный декор), подавляющее большинство находок,

происходивших из точно зафиксированных контекстов (10 из 12), было сделано в слоях XVII в., а остальные 2 обломка — в сло-

ях XVI в. Еще 18 находок происходят из контекстов, которые устанавливаются приблизительно в интервале XVII—XVIII вв. Важно заметить также, что на раскопе 2 селадоны не найдены вовсе. Эти наблюдения заставляют предполагать, что все находки с раскопа 1 являются переотложенными, причем попали они сюда в короткий промежуток времени и весьма «кучно». Разумеется, обстоятельства такого перемещения могли быть самыми разными, однако наиболее вероятным представляется привнос порции культурного слоя XIV века (т. е. времени наибольшего распространения селадонов в Восточной Европе), уже содержавшего в себе измельченные обломки нескольких сосудов. Эта порция вполне могла происходить с верхней площадки Кремля или поступить с близлежащей усадьбы. Таким образом может объясняться появление селадонов XIV века в слоях существенно более позднего времени. Менее вероятной (но также допустимой) представляется более поздняя датировка обнаруженных селадонов, поскольку в Минскую эпоху производство этой керамики в Китае еще существовало и целенаправленно копировало ранние (юаньские) образцы.

Фарфор

Китайский **фарфор** представлен в рассматриваемой коллекции 6 находками так называемых «сине-белых» изделий, имевших монохромную роспись синей краской (окисью кобальта) под бесцветной прозрачной глазурью. Такая керамика стала широко производиться в Китае в эпоху Мин (1368—1644 гг.), т. е. уже с последней трети XIV в., в последующие столетия (XV—XVII вв.) это была самая популярная в странах Европы и Азии разновидность китайской керамики, вывозившаяся в огромных количествах как по сухопутным путям, так и морем. На территории Руси эта разновидность китайских импортов почти не известна и до недавнего времени была зафиксирована только в Москве, но вне Кремля (Коваль 2010: 136, 137).

Среди новых находок из Кремля один обломок принадлежал чаше с декором, включающим меандр («узор грома») и тонко выписанные растительные мотивы (рис. 10: 5), характерным для раннеминских изделий XV в. (He Li 1996: №395—398). Обломок побывал в пожаре, повредившем глазурное покрытие (глазурь покрылась лопнувшими пузырьками и приобрела несвойственную фарфору матовость). Подобная посуда изготавливалась,

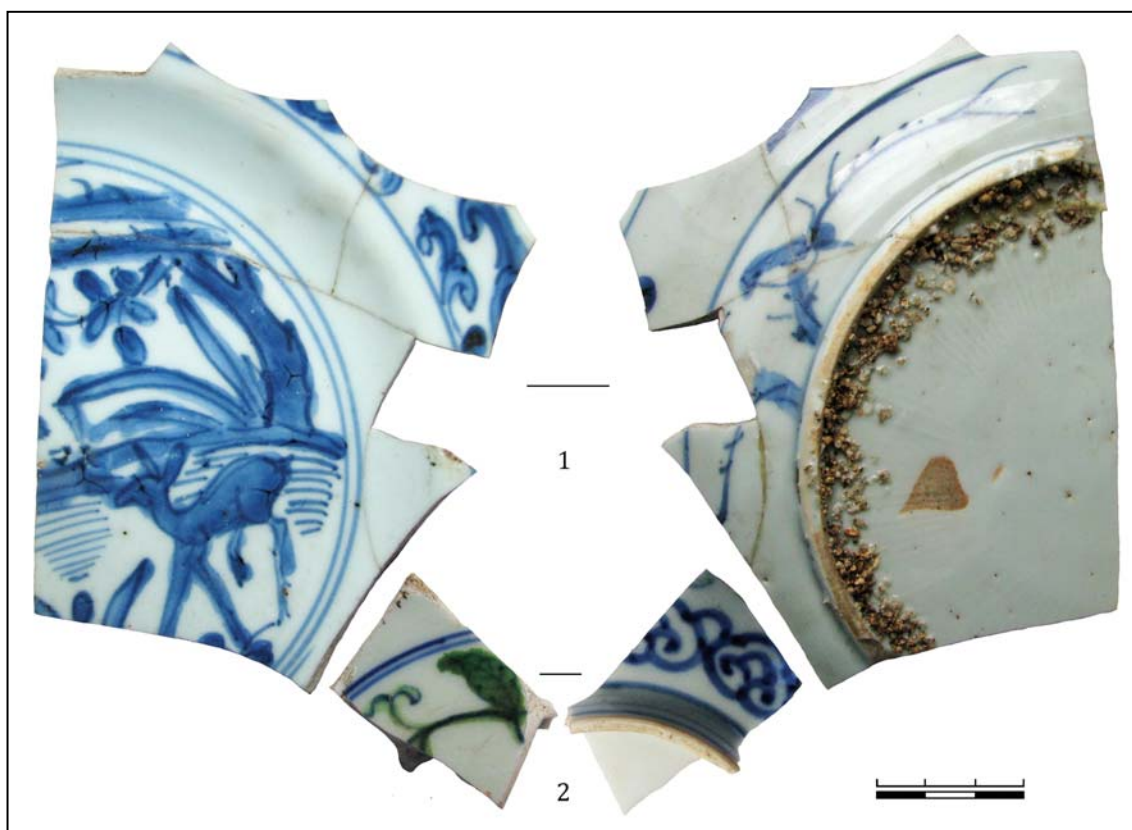
прежде всего, в печах Цзиндэчжэня (в южно-китайской провинции Цзянси). Находка происходила из слоя XVI в.

Исключительный интерес представляет еще один обломок тонкостенной тарелки с растительным орнаментом, также найденный в слое XVI в., который нес на себе дополнительную надглазурную роспись зеленой прозрачной глазурью (рис. 11: 2). Полихромная роспись с использованием зеленой краски известна на целой серии изделий минского Китая, но они принципиально отличаются от данного образца. Это прекрасно выписанные высокохудожественные произведения, где разноцветные глазури применены для расцвечивания отдельных деталей, причем мастера заранее знали, куда они будут наносить разные краски. На нашем образце картина совершенно иная: если подглазурная роспись кобальтом выполнена изящно, рукой настоящего художника, то зеленая глазурь нанесена грубыми мазками, ее края не совпадают с подглазурным рисунком. Сама раскраска заставляет думать о примитивном желании «разукрасить» монохромный рисунок тарелки. Такие «варварские» попытки «улучшить» полихромией китайские изделия предпринимались в Иране конца XIV—XVII вв., где известны селадоны с надглазурным золочением и полихромными «дополнениями» (Булатов 1979: 261—264)⁶. Вероятно, и рассматриваемая тарелка прошла цикл «улучшения» иранскими мастерами, владевшими навыками нанесения надглазурной росписи (такие навыки были у производителей фаянсов «минаи» и полуфаянсов «ладжвардина»), которые могли еще сохраняться в Иране в XV в.

Три обломка принадлежали тарелкам позднеминской (эпохи Ванли, 1573—1620 гг.) разновидности южнокитайского (в т. ч. цзиндэчженьского) фарфора, широко импортировавшейся в Европу и получившей у антикваров название «Kraak porcelain»⁷. Изделия стиля «Kraak» отличаются беглой, несколь-

⁶ Н. М. Булатов полагал, что опубликованный им обломок сосуда с надглазурным декором был изготовлен в Иране из необыкновенно твердого кашина, однако описание образца (его профилировка, цвет глазури) не оставляет сомнений в том, что в действительности речь шла о разновидности китайского селадона, который был «улучшен» росписью золотом и полихромными глазурями.

⁷ Краак — голландское слово, которое связывают с названием португальских кораблей (каррака), которыми в XVI в. в Европу доставлялся китайский фарфор. Правда, сами португальцы так свои корабли не называли (Pijl-Ketel 2003: 94).

Рис. 11. Китайский сине-белый фарфор. 1 — тарелка стиля «Краак» (вторая половина XVI — первая половина XVII в.), 2 — обломок тарелки с надглазурной росписью зеленой глазурью (XV—XVI вв.) (фото С. Д. Захарова).

Fig. 11. Chinese blue-and-white porcelain. 1 — “Kraak” porcelain plate (the 2nd half of 16th — 1st half of 17th c.), 2 — fragment of overglazed green-painted plate (15—16th cc.) (photo by S. D. Zakharov).

ко небрежной росписью, включающей центральный мотив с изображениями сосен, ланей, других пейзажных зарисовок, а по бордюру — растительные мотивы или панели с символическими фигурами («горящей жемчужины», свитков, ветки коралла и других подобных символов, популярных в китайской культуре) (Pearce, Martin 2003: 101—104, fig. 7). Из трех обломков, найденных на Подоле Кремля, только один был достаточно крупным (это почти половина тарелки), чтобы провести его надежную атрибуцию (рис. 11: 1). Эта тарелка обладала всеми признаками, характерными для стиля «kraak», в т. ч. технологическими, наблюдаемыми внутри поддона тарелки. К числу последних относятся: зоны, не покрытые глазурью, радиальные линии на поверхности поддона и крупный «песок» (или мелкий «гравий»), налипший на поверхность глазури вдоль кольцевого поддона (на эту подсыпку устанавливались сосуды в ходе второго обжига, которым закреплялась глазурь) (Kiwayama 1997: №24). «Песок» состоял из мелкодробленого шамота, полученного из белого бисквита, т. е., вероятно, его

получали, разбивая и размалывая сосуды, которые после первого обжига были расценены в качестве «брака».

Ближайшую аналогию рисунку росписи на дне тарелки из Кремля (с фигурами пасущихся ланей) можно видеть на целых тарелках из собрания музея Садберк-ханым в Стамбуле (Carswell 1995: №63) и коллекции Meiyingtang в Цюрихе (Krahl 1994: №720).

Новые импортные керамические материалы, полученные при раскопках на Подоле Московского Кремля, по своему объему в полтора раза превышают массу импортов, известных по прежним исследованиям в Кремле (начиная с середины XIX в.). В результате теперь с территории Кремля стало известно уже почти 300 находок импортной керамики. Разумеется, этот качественно новый источник по внешним торговым и культурным связям средневековой Москвы позволит в дальнейшем пересмотреть многие положения, сформированные в прошлом на базе единичных находок или крайне неполных серий, т. е. на малодостоверной источниковой базе.

Литература

- Булатов Н. М. 1979. Иранская ваза с Селитренного городища. СА (2), 261—264.
- Вишневская О. А. 1958. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-ага. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции II. Москва, 457—458.
- Волков И. В. 2006. Об определении керамики и азовском сосуде в технике «минаи». ИАИАИД 22, 410—426.
- Гаджиев М. С., Лим Джихён. 2011. Селадон из раскопок Дербента и некоторые вопросы его распространения на Кавказе и в Восточной Европе. Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда II. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: ИИМК РАН, 133—135.
- Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю. 2011. Береговая грамота из раскопок в Московском Кремле. Московский Кремль в XV столетии. Древние святыни и исторические памятники 1. Москва: Арт-Волхонка, 452—455.
- Губайдуллин А. М. 2013. Исследования в центральной части Болгарского городища («дом ремесленника»). Поволжская археология (3). Казань, 191—199.
- Гусач И. Р. 2005. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азака. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Киев: Стилос, 476—481.
- Коваль В. Ю. 1997а. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Фаянсы и полуфаянсы. РА (2), 104—122.
- Коваль В. Ю. 1997б. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Полумайолика, фарфор, неполивная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика. РА (3), 94—113.
- Коваль В. Ю. 2005. Кашинная керамика в Золотой Орде. РА (2), 75—86.
- Коваль В. Ю. 2010. Керамика Востока на Руси IX—XVII века. Москва: Наука.
- Коваль В. Ю., Алексеев А. В. 2013. Чудовище на тарелке. Археология Подмоскovie 9. Материалы научного семинара. Москва: ИА РАН, 106—117.
- Лисова Н. Ф. 2012. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Археология евразийских степей 15. Казань: ИИ АН РТ.
- Масловский А. Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. ИАИАИД 21, 309—472.
- Родионова М. А., Френкель Я. В. 2012. Китайский селадон из Новгородского Кремля ТГЭ LIX. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 8—38.
- Розенфельдт Р. Л. 1968. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ Е1—39. Москва: Наука.
- Скоробогатова Т. В. 1983. Одна из групп золотоордынской поливной керамики. СА (4), 92—107.
- Столярова Е. К., Лихтер Ю. А., Гусаков М. Г. 2012. Майолика — происхождение и смысл термина. В: Археология Москвы — линия жизни. Москва: Т-Принт групп, 147—149.
- Тесленко И. Б. 2005. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии). В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Киев: Стилос, 385—410.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1994. Золотоордынские города Поволжья. Москва: МГУ.
- Aslanapa O. 1971. Turkish Ceramic Art. *Archaeology* 24 (3). New York, 209—220.
- Atasoy N., Raby J. 1989. *Iznik. The pottery of Ottoman Turkey*. London: Alexandria Press.
- Aus dem Pottland 2012: Leiber Ch. (ed.). 2012. *Aus dem Pottland in die Welt*. Holzminnen: Mitzkat.
- Berti G. 1997. Pisa. La “maioliche arcaiche”. Secc. XIII—XV (Museo Nazionale di San Matteo). Ricerche di archeologia altomedievale e medievale 23—24. Firenze: All’Insegna del Giglio.
- Bilgi H. 2009. *Dance of fire: Iznik tiles and ceramics in the Sadberk Hanım Museum and Ömer M. Koç collections*. Istanbul: Vehbi Koç Foundation; Sadberk Hanım Museum.
- Böhlendorf-Arslan B. 2004. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. Teil. I; III. Istanbul: Zero; Ege Yayınları.
- Carswell J. 1995. *Chinese ceramics in the Sadberk Hanım Museum*. Istanbul: Vehbi Koç Foundation; Sadberk Hanım Museum.
- Choi-Bae S. 1984. *Seladon-keramik der Koryo-dynastie 918—1392*. Köln: Museum für Ostasiatische Kunst.
- Denny W. B. 2005. *Osmanische Keramik aus Iznik*. München: Hirmer.
- Doger L. 2009. Kadikalesi/Anaia Bizans sirli seramiklerinin kronolojisi ve tipolojisi. *Türkiye arkeolojisi’nde seramik ve arkeometrik çalışmalar*. Ankara: Orta Dogu Teknik Universitesi, 86—101.
- François V. 2005. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine a l’époque Paléologue. In: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). *Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв.* Киев: Стилос, 195—208.
- De Groote K. 2014. *Middeleeuws aardewerk in Vlaanderen*. Brussel: Onroerend Erfgoed.
- He Li. 1996. *Chinese ceramics. The new standard guide*. London: Thames and Hudson.
- Hitzel F., Jacotin M. 2005. *Iznik. Les céramiques ottomanes du Musée national de la Renaissance Château d’Ecouen*. Paris: Réunion des musées nationaux.
- Janssen H. L., Hijhof E. 2010. Fifteenth century pottery production in ‘s-Hertogenbosch. The excavations of two pottery workshops. *Exchanging Medieval material culture*. Brussel: Onroerend Erfgoed, 93—136.
- Krahl R. 1994. *Chinese Ceramics from the Meiyintang collection*. Vol. 1, 2. London: Azimuth Editions Ltd.
- Kuwayama J. 1997. *Chinese ceramics in colonial Mexico*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Mellor M. 1997. *Pots and people*. Oxford: Ashmolean museum.
- Pasinli A., Balaman S. 1991. *Turkish tiles and ceramics. Çinili Köşk*. Istanbul: A Turizm Yayınları.
- Pearce J., Martin J. 2003. Oriental blue and white porcelain found in archaeological excavations in London: research in progress. *Transactions of the Oriental Ceramic Society* 67, 99—109.
- Pijl-Ketel C., van der. 2003. Kraak type porcelain and other ceramic wares recovered from the Dutch East Indiaman the “Witte Leeuw”, sunk in 1613. *Transactions of the Oriental Ceramic Society* 67, 91—98.
- Soustiel J. 1985. *La Céramique Islamique. Le guide du connaisseur*. Fribourg: Office du Livre.
- Vera Reina M., López Torres P. 2009. La producción trianera (Sevilla) de época almohade. *Actas del VIII Congreso Internacional de cerámica medieval en el Mediterráneo* 1. Ciudad Real, 429—441.

References

- Bulatov, N. M. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 261—264 (in Russian).
- Vishnevskaya, O. A. 1958. In *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition)* II. Moscow, 457—458 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 22, 410—426 (in Russian).
- Gadzhiev, M. S., Lim Jihyon. 2011. In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod — Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Velikii Novgorod — Staraya Russa)* II. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 133—135 (in Russian).
- Gippius, A. A., Zaliziak, A. A., Koval, V. Yu. 2011. In Belyaev, L. A., Vorotnikova I. A. (eds.). *Moskovskii Kreml' XV stoletii 1. Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki (The Moscow Kremlin in 15th Century 1. Ancient Sacred Places and Historical Sites)* 1. Moscow: "Art-Volkhonka" Publ., 452—455 (in Russian).
- Gubaidullin, A. M. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3). Kazan, 191—199 (in Russian).
- Gusach, I. R. 2005. In Bocharov, S. G., Mytz, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 476—481 (in Russian).
- Koval, V. Yu. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 104—122 (in Russian).
- Koval, V. Yu. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 94—113 (in Russian).
- Koval, V. Yu. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 75—86 (in Russian).
- Koval, V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Koval, V. Yu., Alekseev, A. V. 2013. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 106—117 (in Russian).
- Lisova, N. F. 2012. *Ornament glazurovannoi posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Ornamentation of Glazed Ware Found in the Golden Horde Towns in the Lower Volga Region)*. Series: *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 15. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Maslovskii, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21, 309—472 (in Russian).
- Rodionova, M. A., Frenkel', Ya. V. 2012. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* LIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 8—38 (in Russian).
- Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII—XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12th — 18th Centuries)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1—39. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Skorobogatova, T. V. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 92—107 (in Russian).
- Stoliarova, E. K., Likhter, Yu. A., Gusakov, M. G. 2012. In *Arkheologiia Moskvy — liniia zhizni (Archaeology of Moscow: Life Line)*. Moscow: "T-Print grupp" Publ., 147—149 (in Russian).
- Teslenko, I. B. 2005. In Bocharov, S. G., Mytz, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 385—410 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Aslanapa, O. 1971. *Turkish Ceramic Art. Archaeology* 24 (3). New York, 209—220.
- Atasoy, N., Raby, J. 1989. *Iznik. The pottery of Ottoman Turkey*. London: Alexandria Press.
- Aus dem Pottland 2012: Leiber, Ch. (ed.). 2012. *Aus dem Pottland in die Welt*. Holzminden: Mitzkatz.
- Berti, G. 1997. *Pisa. La "maioliche arcaiche". Secc. XIII—XV (Museo Nazionale di San Matteo)*. Ricerche di archeologia altomedievale e medievale 23—24. Firenze: All'Insegna del Giglio.
- Bilgi, H. 2009. *Dance of fire: Iznik tiles and ceramics in the Sadberk Hanım Museum and Ömer M. Koç collections*. Istanbul: Vehbi Koç Foundation; Sadberk Hanım Museum.
- Böhlendorf-Arslan, B. 2004. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. Teil. I; III. Istanbul: Zero; Ege Yayınları.
- Carswell, J. 1995. *Chinese ceramics in the Sadberk Hanım Museum*. Istanbul: Vehbi Koç Foundation; Sadberk Hanım Museum.
- Choi-Bae, S. 1984. *Seladon-keramik der Koryo-dynastie 918—1392*. Köln: Museum für Ostasiatische Kunst.
- Denny, W. B. 2005. *Osmanische Keramik aus Iznik*. München: Hirmer.
- Doger, L. 2009. *Kadikalesi/Anaia Bizans sirlı seramiklerinin kronolojisi ve tipolojisi. Türkiye arkeolojisi'nde seramik ve arkeometrik çalışmalar*. Ankara: Orta Dogu Teknik Üniversitesi, 86—101.
- François V. 2005. *Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine a l'époque Paléologue*. In Bocharov, S. G., Mytz, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 195—208.
- De Groote K. 2014. *Middelleeuws aardewerk in Vlaanderen*. Brussel: Onroerend Erfgoed.
- He Li. 1996. *Chinese ceramics. The new standard guide*. London: Thames and Hudson.
- Hitzel F., Jacotin M. 2005. *Iznik. Les céramiques ottomanes du Musée national de la Renaissance Château d'Ecouen*. Paris: Réunion des musées nationaux.
- Janssen, H. L., Hijhof E. 2010. *Fifteenth century pottery production in 's-Hertogenbosch*. The excavations of two pottery workshops. *Exchanging Medieval material culture*. Brussel: Onroerend Erfgoed, 93—136.
- Krahl R. 1994. *Chinese Ceramics from the Meiyingtang collection*. Vol. 1, 2. London: Azimuth Editions Ltd.
- Kuwayama J. 1997. *Chinese ceramics in colonial Mexico*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Mellor M. 1997. *Pots and people*. Oxford: Ashmolean museum.
- Pasinli A., Balaman S. 1991. *Turkish tiles and ceramics. Çiniili Köşk*. Istanbul: A Turizm Yayınları.
- Pearce J., Martin J. 2003. *Oriental blue and white porcelain found in archaeological excavations in London: research in progress. Transactions of the Oriental Ceramic Society* 67, 99—109.
- Pijl-Ketel C., van der. 2003. *Kraak type porcelain and other ceramic wares recovered from the Dutch East Indiaman the "Witte Leeuw", sunk in 1613. Transactions of the Oriental Ceramic Society* 67, 91—98.
- Soustiel J. 1985. *La Céramique Islamique. Le guide du connaisseur*. Fribourg: Office du Livre.
- Vera Reina M., López Torres P. 2009. *La producción trianera (Sevilla) de época almohade. Actas del VIII Congreso Internacional de cerámica medieval en el Mediterráneo* 1. Ciudad Real, 429—441 (in Russian).

Статья принята к публикации 13 сентября 2016 г.